

НОВАЯ ПОЛЬША 10/2006

Содержание

1. ДРУГОЙ: КТО ОН?
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. КШИЖОВА — МЕСТО МЕЖДУНАРОДНЫХ ВСТРЕЧ
4. ПИСАТЕЛЬ В КЛЕЩАХ
5. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
6. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
7. ПОЛЬСКО-РУССКОЕ КИНО ЭМОЦИЙ
8. ГЛАЗОМ КАМЕРЫ ГЛЯДЯ ДРУГ НА ДРУГА
9. ЛЮДИ ПЛЮЮТСЯ ЖЕМЧУГОМ

ДРУГОЙ: КТО ОН?

Когда я размышляю над своими, уже долгими путешествиями по миру, то иногда мне кажется, что самой тревожной проблемой были не столько границы и фронты, труды и опасности, сколько постоянно возникавшая неуверенность в том, как пройдет и какой окажется моя встреча с Другими — другими людьми, которых я встречу где-то в пути. Я знал, что от этого будет зависеть многое, иногда, возможно, всё. Каждая такая встреча была неизвестностью: как она пройдет? как развернется? чем закончится?

Такого рода вопросы сами по себе извечны. Встреча с другим человеком, с другими людьми всегда и везде была главным испытанием для нашего человеческого рода. Археологи говорят, что самыми первыми человеческими сообществами были небольшие семьи-племена, насчитывавшие три-пять десятков человек. Будь такое сообщество больше, ему трудно было бы быстро и успешно перемещаться. Будь оно меньше, ему трудно было бы успешно защищаться, бороться за выживание.

И вот наша небольшая семья-племя устремляется вперед в поисках пропитания и вдруг встречает другую семью-племя. Какой же это важный момент в истории мира, какое серьезное открытие! Открытие, что на свете существуют другие люди! Ибо до сих пор член упомянутой нами первоначальной группы мог пребывать в уверенности, что существуя среди трех-пяти десятков побратимов, он знает всех людей на свете. А тут оказалось, что это не так — что на свете живут еще и другие подобные ему существа, другие люди!

Как же вести себя перед лицом такого открытия? Как поступить? Какое принять решение?

Ринуться в ярости на этих встреченных? Равнодушно обойти их и двинуться дальше? Или же попытаться познакомиться и понять друг друга?

Тот самый выбор, перед лицом которого тысячи лет тому назад оказалась группа наших предков, стоит перед нами и сегодня, причем с той же неослабевающей насущностью; выбор столь же, как и тогда, принципиальный и категорический. Как отнестись к Другим? Какую занять позицию по отношению к ним?

Может случиться так, что произойдет поединок, конфликт, война. Все архивы хранят свидетельства подобных событий, об этом напоминают поля бесчисленных битв, остатки рассеянных по всему миру руин. Всё это свидетельства поражений человека — свидетельства того, что он не сумел или не захотел договориться с Другими. В литературах всех стран и всех эпох эта ситуация сделалась темой, неисчерпаемой по разнообразию и настроению.

Однако может случиться и так, что наблюдаемая нами семья-племя, вместо того чтобы нападать и сражаться, решит отгородиться от Других, отделиться, изолироваться. В результате такого выбора со временем начнут появляться схожие по замыслу объекты, такие, как Великая китайская стена, башни и врата Вавилона, римские *limes* (валы) или каменные стены инков.

К счастью, существуют доказательства и другого поведения, известного человеческому опыту. Это доказательства сотрудничества — остатки рынков, водных причалов, места, где были агоры и святилища, где все еще видны следы расположения старых университетов и академий или же сохранились следы торговых путей, таких как Шелковый путь, Янтарный путь или путь через Сахару. Всюду там люди встречались, обменивались мыслями, идеями и товарами, торговали, заключали сделки и союзы, находили общие цели и ценности. Иной, другой человек переставал быть синонимом чуждости и враждебности, опасности и смертельного зла. Каждый находил в себе самом хотя бы частицу этого Другого, верил в это, жил с этим убеждением.

Три вышеназванных возможности вставляли перед человеком всегда, когда он встречался с Другим: он мог выбрать войну, мог отгородиться стеной и мог начать диалог.

На протяжении истории человек все время колеблется между этими возможностями и, в зависимости от обстоятельств и культуры, выбирает то одну, то другую; мы видим, что в этом выборе он переменчив, не всегда чувствует себя уверенно, не всегда ощущает твердую почву под ногами.

Войну трудно оправдать; думаю, что ее проигрывают все, ибо по сути это поражение человеческого существа, обнажающее его неспособность понять Другого, проникнуться его чувствами, проявить добро и разум. В таком случае встреча с Другим всегда кончается трагически, драмой кровопролития и смерти.

Идея, которая склонила человека к строительству великих стен и бездонных рвов, к огораживанию себя ими и отгораживанию себя от других, в наше время получила название доктрины апартеида. Это понятие несправедливо ограничивается лишь политикой ныне уже не существующего режима белых в Южной Африке. Ибо на самом деле практика апартеида известна с незапамятных времен. Если говорить упрощенно, сторонники таких взглядов утверждают, что каждый может жить, как он хочет, лишь бы подальше от меня, если он не принадлежит к моей расе, религии, культуре. Если бы речь шла только об этом! На самом деле перед нами доктрина о постоянстве структурного неравенства, разделяющего человеческий род.

В мифах многих племен и народов содержится убеждение, что люди — это только мы, члены нашего клана, нашего сообщества, а Другие, все Другие, — это недочеловеки или вообще не люди.

Насколько отличается образ того же Другого в эпоху антропоморфических верований, когда боги могли принимать человеческий облик и вести себя как люди. В те времена никогда не было известно, кто этот приближающийся странник, путешественник, пришелец — человек или бог в облике человека? Эта неуверенность, эта интригующая амбивалентность — один из источников культуры гостеприимства, предписывающей встречать прибывшего со всей доброжелательностью.

Об этом пишет Циприан Норвид, размышляя в своем вступлении к «Одиссее» о причинах гостеприимства, с которым Одиссей встретился на обратном пути на Итаку:

«Там в каждом нищем и скитальце подозревали сначала: не из богов ли он? (...) Нельзя было, прежде чем сажать пришельца за стол, спрашивать: кто ты, пришедший? Лишь после того, как было проявлено уважение к его божественности, можно было приступить к человеческим вопросам, и это называлось гостеприимством, потому-то и причисляли его к благочестивым действиям и добродетелям. У гомеровских греков не было никакого «последнего человека»! — он всегда был первым, то есть божественным».

В таком, предложенном Норвидом, греческом понимании культуры вещи приобретают свои новые, благоприятные для человека значения. Двери и ворота служат не только для того, чтобы закрывать их от Другого, — они могут и открываться перед ним, приглашать в гости. Дорога не обязательно служит

вражеским армиям — она может быть и трактом, по которому к нам идет в одеждах пилигрима кто-то из богов. Благодаря таким истолкованиям значений мы оказываемся в мире, который становится для нас не только богаче и разнообразней, но и доброжелательней, в мире, в котором мы сами хотим встретиться с Другим.

Встречу с Другим Эмманюэль Левинас называет «событием», даже «фундаментальным событием»; это самый важный опыт, он относится к самому глубокому горизонту пережитого. Левинас, как мы знаем, принадлежит к группе философов диалога, таких как Мартин Бубер, Фердинанд Эбнер или Габриэль Марсель (позднее к этой группе присоединился и Юзеф Тишнер); они развили идею Другого — как единственного и неповторимого — в более или менее косвенной оппозиции к двум феноменам, проявившимся в XX веке, а именно к появлению массового общества, отменяющего отдельность личности, и к экспансии разрушительных тоталитарных идеологий. Философы этого направления стремились защитить важнейшую для них ценность — человеческую личность: меня, тебя, Другого, Других — от воздействия масс и тоталитаризма, нивелирующего любую самобытность человека (на этом основано понятие «Другого», которое они сделали всеобщим достоянием, дабы подчеркнуть разницу между одним человеком и другим, разницу черт постоянных, не подлежащих никакой замене).

Что касается отношения к Другому и Другим, то эти философы отрицали путь войны как ведущий к массовому уничтожению, критиковали позицию равнодушия и отгораживания стеной, а вместо этого провозглашали необходимость — более того, этическую обязанность — сближения, открытости и доброжелательности.

В кругу таких идей и убеждений, такого рода поисков и размышлений, таких позиций рождалось и развивалось великое научное творчество Бронислава Малиновского — выпускника, а затем доктора философии Ягеллонского университета, члена Польской академии знаний.

Малиновский поставил вопрос: как приблизиться к Другому, если это не исключительно абстрактное существо, а конкретный человек, принадлежащий к иной расе, исповедующий свои, отличные от наших, верования и ценности, носитель своей культуры и традиций?

Обратим внимание, что понятие «Другой» чаще всего толкуется с точки зрения белого, европейца. Однако сегодня,

когда я иду по деревне в горах Эфиопии, за мной бежит ватага детей, показывающих на меня пальцами, веселящихся и кричащих: «Ferenczi! Ferenczi!» А это как раз и означает — иностранец, чужой, другой. Потому что для них я — Другой.

В этом смысле все мы плывем в одной лодке. Все мы, жители нашей планеты, — Другие по отношению к Другим: я — к ним, они — ко мне.

В эпоху Малиновского и в предшествовавшие века белый человек, европеец, отправлялся за пределы своего континента почти исключительно с завоевательными целями — чтобы покорять новые земли, добывать рабов, торговать или обращать в свою веру. Зачастую это были невероятно кровавые экспедиции — покорение Америки людьми Колумба, а затем белыми колонистами, завоевание Африки, Азии, Австралии.

Малиновский отправился на острова Тихого океана с иной целью — он хотел познать Другого. Узнать его соседей, обычаи и язык, увидеть, как он живет. Он хотел увидеть и испытать это сам, лично, чтобы затем удостовериться.

Вполне очевидный проект Малиновского оказался, однако, революционным, подрывающим устои, ибо он обнажал проявляющуюся, хотя и в разной степени, слабость или же просто черту каждой культуры, заключающуюся в том, что та или иная культура сталкивается с трудностями в понимании другой и что эти трудности присущи людям, принадлежащим к разным культурам.

Автор «Коралловых садов», в частности, подчеркивал по прибытии на территорию своих исследований — острова Тробриан, — что живущие там годами белые не только ничего не знают о местном населении и его культуре, но и имеют об этом абсолютно ложное представление, продиктованное высокомерием и презрением.

Сам он, наперекор всем колониальным обычаям, разбил палатку посреди одной из местных деревень и стал жить вместе с местным населением. То, что ему пришлось пережить, не назовешь легким испытанием. В сохранившемся «Дневнике» он все время вспоминает о своих трудностях, плохом настроении, о своей подавленности, даже депрессии.

За отрыв от своей культуры приходится платить высокую цену. Поэтому так важно обладать ярко выраженной самобытностью, ощущением ее силы, ценности и зрелости. Только тогда человек может смело противопоставлять себя другой культуре. В

противном случае он будет прятаться в собственной скорлупе, трусливо отгораживаясь от других. Тем более что Другой — это зеркало, в которое смотрюсь я сам или в котором видят меня, зеркало, которое меня разоблачает и обнажает, а этого нам было бы предпочтительнее избежать.

Интересно, что когда в родной для Малиновского Европе шла I Мировая война, этот молодой антрополог был занят исследованием культуры обмена, контактов и совместных обрядов жителей островов Тробриан. Этой проблеме он и посвятил замечательный труд «Аргонавты западной части Тихого океана», где сформулировал важный, но так редко соблюдаемый другими тезис: «Чтобы о чем-то судить, надо там побывать». И еще один тезис, чрезвычайно смелый для своего времени, провозгласил выпускник Ягеллонского университета, а именно: нет культур высших и низших — есть лишь разные культуры, различным образом удовлетворяющие потребности и ожидания людей. Для Малиновского другой человек, то есть представитель другой расы и культуры, — это прежде всего человек, поведению которого, как и поведению каждого из нас, присущи достоинство, уважение к признанным ценностям, почитание традиций и обычаев.

Если Малиновский приступал к своим исследованиям в момент зарождения массового общества, то мы сегодня живем в период перехода от этого массового общества к новому — планетарному. Этому во многом способствуют электронная революция, небывалое развитие всевозможных коммуникаций, огромные усовершенствования в сфере связи и передвижений, а также преобразования, происходящие как в сознании самых молодых поколений, так и в культуре, понимаемой в самом широком смысле.

Каким образом это изменит наше отношение к представителям другой культуры или других культур? Как это повлияет на соотношение «Я — Другой» в рамках моей культуры и вне ее? Очень трудно дать на это недвусмысленный и окончательный ответ, ибо речь идет о процессе, который продолжается и в котором мы сами участвуем — не имея возможности как-то от него отстраниться, чтобы все продумать.

Левинас рассматривал соотношение «Я — Другой» в рамках одной, исторически и расово единой цивилизации. Малиновский изучал меланезийские племена в те времена, когда они еще сохраняли первобытное состояние, не подвергшееся влиянию западной технологии, организации и рынка.

Однако сегодня это становится все менее возможным. Культура становится все более и более гибридной, гетерогенной. Недавно в Дубае я наблюдал поразительное явление. По берегу моря шла девушка, вне всякого сомнения мусульманка. Она была одета в обтягивающие джинсы, блузка на ней тоже была в обтяжку, и в то же время ее голову, но только голову, окутывала темная чадра, настолько пуритански плотно ее закрывавшая, что даже глаз девушки не было видно.

Сегодня в философии, антропологии и литературной критике существуют уже целые школы, которые главное внимание уделяют этому процессу, процессу гибридизации, объединения и культурного перевоплощения. Этот процесс происходит особенно в тех регионах, где границы государств были границами разных культур (например, граница между Америкой и Мексикой), а также в гигантских мегаполисах (как Сан-Паулу, Нью-Йорк или Сингапур), где идет смешение населения, представляющего самые разные культуры и расы. Впрочем, сегодня мы говорим о том, что мир стал многоэтничным и многокультурным не потому, что этих обществ и культур стало больше, чем прежде, но потому, что они начали заявлять о себе гораздо громче, гораздо самостоятельнее и решительнее, требуя одобрения, признания и места за круглым столом народов.

Настоящий вызов нашего времени, встреча с новым Другим, Другим с расовой и культурной точек зрения, обусловлен также широким историческим контекстом. Вторая половина XX века — это годы, когда две трети населения земного шара освободились от колониальной зависимости и стали гражданами собственных, по крайней мере номинально независимых государств. Постепенно эти люди начинают восстанавливать свое собственное прошлое, мифы и корни, свою историю, у них появляется ощущение самобытности и вследствие этого, естественно, гордости. У них начинает возникать ощущение самих себя, ощущение хозяев, которые управляют собственной судьбой, и они с ненавистью смотрят на любые попытки относиться к ним исключительно как к предметам, статистам, фону, как к жертвам и пассивным объектам господства.

Сегодня наша планета, которая веками заселялась узким кругом свободных и широкими массами поработанных людей, заполняется все большим количеством народов и обществ, в которых проявляется растущее ощущение собственного значения и своей отдельной ценности.

Этот процесс часто сопровождается серьезными трудностями, конфликтами и драмами.

Возможно, мы движемся в сторону настолько нового и иного мира, что прежний исторический опыт может оказаться недостаточным, чтобы понять его и существовать в нем.

Во всяком случае мир, в который мы вступаем, — это Планета Великих Возможностей, но возможностей не безусловных, открытых только для тех, кто рассматривает свою задачу со всей серьезностью и таким образом подтверждает, что и к себе самому относится с той же серьезностью. Это мир, который потенциально дает много, но и многого требует от нас, мир, где попытка облегчить свой путь, выбирая кратчайший, часто ведет в никуда.

В этом мире мы будем постоянно встречаться с новым Другим, который постепенно начнет возникать из хаоса и неразберихи современности. Возможно, этот Другой появится в результате встречи двух противоположных течений, созидающих культуру современного мира: течения, направленного на глобализацию нашей действительности, и другого, сохраняющего наши различия, нашу непохожесть, нашу неповторимость. Он станет их порождением и их наследником. Поэтому нам следует вступать с ним в диалог и искать взаимопонимания. Многолетний опыт пребывания среди далеких Других учит меня, что только проявление доброжелательности к другому существу является той позицией, которая позволит и в нем зазвучать струне гуманизма.

Кем будет этот новый Другой? Какой окажется наша встреча? Что мы друг другу скажем? И на каком языке? Сумеет ли мы выслушать друг друга? Взаимно понять друг друга? Захотим ли вместе обратиться к тому, что, как говорит Конрад, «взывает к нашей способности испытывать восторг и восхищение, к ощущению тайны окружающей нас жизни, к нашему чувству милосердия, красоты и боли, к скрытой связи со всем миром — к пусть хрупкой, но все же непреодолимой вере в солидарность, которая объединяет в единое целое одиночество бесчисленного множества человеческих сердец, зовет к общности в мечтах, радостях, заботах, стремлениях, иллюзиях, надеждах и страхах, к той общности, которая связывает человека с человеком, которая объединяет все человечество — ушедших с живыми, а живых с еще не родившимися».

Из книги «Ten inny»,

Znak, Краков 2006

Перевод Елены Шиманской

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «14 августа 1980 г. на Гданьской судовой верфи (в те времена носившей имя Ленина) вспыхнула забастовка, с которой и началась «Солидарность». Дату выбрал Богдан Борусевич (...) В свои планы он посвятил только трех молодых судостроителей: Богдана Фельского, Людвика Прондзынского и Ежи Боровчак. Сразу же после них должен был начать действовать один из лидеров забастовки 1970 г., тридцатисемилетний Лех Валенса. «Его знала вся верфь, — рассказывает Боровчак. — Мы с самого начала предполагали, что руководить забастовкой будет Лех. Он умеет говорить, входить в контакт с людьми. Когда он выступал в годовщину декабря [1970-го], то такую речь толкнул, что парни просто ревели (...) К августовской забастовке, которую начали пять человек, еще в тот же день присоединились 50 тыс. гданьских рабочих. Через две недели по всей стране бастовали уже несколько сот тысяч человек». («Жечпосполита», 14-15 авг.)

• Премьер-министр Ярослав Качинский в Брюсселе во время своего первого зарубежного визита: «Вступление Польши в Евросоюз — это большой успех. Мое правительство считает своей главной задачей использовать тот шанс, который дали нам дотации и европейский рынок». («Дзенник», 31 авг.)

• «Вчера президент Лех Качинский и главный раввин Польши Михаэль Шудрих побывали у Стены плача. Кроме того, польский президент неожиданно встретился в Иерусалиме с британским премьером Тони Блэром». Проф. Шевах Вейс, бывший посол Израиля в Польше, комментирует: «Лех Качинский — первый лидер крупного европейского государства, посетивший нашу страну после неоконченной трагической войны с «Хезболлой» (...) В частности, президент Качинский откроет у нас выставку, посвященную еврейским солдатам и офицерам в польской армии (...) Во время II Мировой войны в различных польских частях сражались почти 100 тыс. евреев. 40 тыс. из них погибли в польских мундирах. (...) Следует подчеркнуть, что у братьев Качинских всегда были очень хорошие отношения с евреями и Израилем». («Жечпосполита», 11 сент.)

- «Это одно из самых важных для нашей цивилизации мест. Я христианин, а не иудей, но я знаю, где корни моей веры», — сказал Лех Качинский у Стены плача. Оттуда президент начал свой четырехдневный визит в Израиль и Палестинскую автономию. Лех Качинский напомнил журналистам, что у Стены плача он уже второй раз. Впервые он побывал там в качестве президента [мэра] Варшавы». («Дзенник», 11 сент.)

- Президент Лех Качинский на пресс-конференции в Иерусалиме: «Если кто-нибудь скажет, что Польша — это европейская страна, особенно дружественная Израилю, то он будет прав. Мы от этой правды не отказываемся». («Жечпосполита», 12 сент.)

- «Приветствуем друга нашего народа», — сказал президент Палестинской автономии Махмуд Аббас, встречая президента Леха Качинского. «Тот факт, что Польша остается в прекрасных отношениях с обеими сторонами конфликта, может позволить ей сыграть значительную роль в этом регионе», — сказал президент Аббас на пресс-конференции. («Жечпосполита», 14 сент.)

- «Польский контингент миротворческих сил ООН в Ливане увеличится с нынешних 214 до 500 человек», — сообщила в Брюсселе министр иностранных дел Польши. («Дзенник», 27 авг.)

- «Число польских солдат за границей: Ирак — около 870; Афганистан — 105; миссия ЕУФОР в Боснии — около 200; миссия КФОР в Косове — почти 300; миссия ЮНДОФ в Сирии (Голанские высоты) — около 350; миссия ЮНИФИЛ в Ливане — 214; миссия в Демократической Республике Конго — без малого 130». («Газета wyborcza», 24 авг.)

- «Два натовских летающих радара АВАКС приземлились вчера на аэродроме в Повидзе. До конца этого года Польша станет совладельцем 17 таких машин (...) Благодаря этому польские ВВС смогут списать устаревшую наземную радиолокационную технику. Таким образом, начиная с 2008 г. Польша будет ежегодно экономить 50–60 млн. злотых». («Газета wyborcza», 18 авг.)

- «В 1989 г. мы были на 14-м месте среди стран, начинавших преобразования. Сегодня мы вышли на 7-е. [Однако] в текущем десятилетии Польша утратила позицию страны с экономикой, развивающейся быстрее всего в регионе». (Рышард Рапацкий, «Жечпосполита», 6 сент.)

- «Во втором квартале экономический рост достиг 5,5% (...) Этим солидным ростом мы в огромной степени обязаны инвестициям. Никто не ожидал, что темп их роста увеличится в два раза. В первом квартале он был на 7,4% выше, чем в прошлом году, а во втором — уже на 14,4%». («Газета wyborcza», 31 авг.)

- «Когда начиналась эпоха Третьей Речи Посполитой, в польских вузах учились 405 тыс. человек, а высшее образование имели лишь 7% взрослых поляков (...) По сравнению с 1989 г. число студентов увеличилось на 377%. В настоящий момент высшее образование получают 2 млн. человек». («Ньюсуик-Польша», 27 авг.)

- «Сейчас за границей учатся 30 тыс. поляков — главным образом в вузах Германии и Великобритании, а также в лучших высших школах США» («Ньюсуик-Польша», 27 авг.)

- «Филип Вольский, окончивший в этом году III общеобразовательный лицей в Гдыне, стал победителем прошедшей в Мексике XVIII Международной олимпиады по информатике. «Это один из самых престижных в мире конкурсов по информатике и наверняка самый важный для информатиков возраста Филипа», — сказал профессор Варшавского университета Кшиштоф Дикс (...) Кроме Филипа, с наградами из Мексики вернулись Якуб Каллас из того же III лицея в Гдыне и Мартин Андрыхович из XIV общеобразовательного лицея в Варшаве». («Газета wyborcza», 22 авг.)

- «По данным Польского национального банка (ПНБ), в первом полугодии общая сумма вкладов в польских банках выросла на 8 млрд. злотых. Это самый быстрый рост депозитов за последние несколько лет. Достаточно сказать, что за весь прошлый год в банках прибавилось «только» 10 млрд. злотых. Сегодня мы храним в банках больше, чем когда бы то ни было, — почти 229 млрд. злотых (...) Аналитики утверждают, что денег в банках становится больше благодаря росту благосостояния поляков. Судя по данным Главного статистического управления (ГСУ), наши заработки растут, а часть прибавок, прежде чем мы их проедаем, переводится во вклад». («Газета wyborcza», 19-20 авг.)

- «Т.н. индекс потребительского оптимизма вырос в Польше до 107 пунктов — это на 14 пунктов выше среднего показателя по Европе! За последний год он вырос на 4 пункта. В рейтинге нас опережают только скандинавы, ирландцы, испанцы и бельгийцы (...) Поляки все лучше оценивают не только свои

перспективы на рынке труда, но и состояние своих финансов: 64% опрошенных считают его хорошим или очень хорошим». («Дзенник», 8 сент.)

- «Когда одного моего знакомого поляка спросили, что его больше всего удивило в Швеции, он ответил: «Там от меня не убегают кошки и собаки»». (Томаш Валят, «Политика», 12 авг.)

- С тех пор как Польша вступила в Евросоюз, в другие страны ЕС уехали свыше 1,1 млн. поляков. В Германии польская диаспора насчитывает 535 тыс. человек, в Великобритании — 264 тыс., в Ирландии — 100 тыс., во Франции — 90 тыс., в Италии — 72 тыс., в Голландии — 20 тыс., в Австрии — 13 тыс., в Чехии — 7 тысяч. («Жечпосполита», 6 сент.)

- «Уполномоченный по правам человека призывает открыть дипломатическое представительство или консульство в Исландии. В настоящее время на территории Исландии живут и работают около 8 тыс. поляков (по некоторым данным, их может быть даже 15 тысяч). Есть все основания полагать, что в связи с открытием исландского рынка труда для граждан новых государств-членов ЕС, число работающих в Исландии поляков будет постоянно расти. Местные предприниматели очень ценят польских работников». («Жечпосполита», 19-20 авг.)

- «По расчетам министерства финансов, обработавшего налоговые декларации на доходы физических лиц за 2005 год, в прошлом году номинальная зарплата каждого из нас составила в среднем 1425 злотых. Однако если вычесть из этого пенсии и пособия, выплаченные Управлением социального страхования, то оставшаяся сумма составляет только 1198 злотых. Расчеты министерства финансов значительно отличаются от данных ГСУ». («Жечпосполита», 19-20 авг.)

- «По данным ГСУ, представленным в отчете о масштабах бедности, в 2005 г. за чертой бедности жили 12% поляков. По расчетам Института труда и социальных вопросов, в прошлом году прожиточный минимум для одинокого человека составил 387 злотых в месяц, а для семьи из четырех человек (с двумя детьми) — 1045 злотых. Закон о социальной помощи определяет прожиточный минимум несколько по-другому: согласно ему, пособия выплачиваются лицам, чей доход не превышает 461 зл. или 1260 зл. на семью из четырех человек (...) Данные ГСУ не учитывают бездомных, а также семей, оказавшихся за чертой бедности вследствие тяжелой болезни или старости». («Газета wyborча», 7 авг.)

- «Владельцы многих пекарен стоят на грани банкротства (...) В начале 90-х среднестатистический поляк съедал в год 90 кг хлебобулочных изделий, а сейчас довольствуется лишь 70 кг (...) Выпечка стала считаться нездоровой». («Дзенник», 31 авг.)

- «Несмотря на быстрый экономический рост, мы все глубже залезаем в долги. Первый звонок может прозвенеть уже в конце года, если к тому времени государственный долг превысит 50% ВВП (...) Жаль, что экономический рост на уровне 5% не вызывает у политиков желания экономить, а, наоборот, лишь ускоряет процесс раздачи государственных денег (...) Пока что министерство финансов спокойно, так как, по его прошлогодним расчетам, к концу года государственный долг не превысит 46,1% ВВП». («Жечпосполита», 17 авг.)

- «Агентство Фитча повысило рейтинг Польши с оценки А до А+. Это означает, что, по мнению иностранных экспертов, финансовые институты нашей страны пользуются все большим доверием на международных рынках». («Дзенник», 22 авг.)

- «Президент Лех Качинский подписал (...) закон о создании Комиссии финансового контроля (...) КФК будут переданы полномочия по контролю за биржевым и страховым рынком (...) Кроме того, ее председатель будет осуществлять банковский контроль вместо председателя ПНБ. Назначать председателя КФК будет премьер-министр». («Дзенник», 23 авг.)

- Из открытого письма, подписанного семью бывшими членами Совета монетарной политики: «С тревогой следим мы за попытками оспорить общественную позицию Польского национального банка и его председателя, продиктованными сиюминутными политическими интересами парламентского большинства». («Газета wyborcza», 7 сент.)

- Норико Хама, экономист, профессор Школы бизнеса при университете Досиса (Япония): «Бальцерович — очень решительный и бескомпромиссный шеф центробанка. Он необычайно привержен ценностям, которые должен символизировать центральный банк: стабильности цен и курсов, эффективным и здоровым финансовым рынкам. Кроме того, он ярый сторонник экономических реформ. Он был архитектором многих первоначальных реформ, которые вывели Польшу в мир рыночной экономики. Из-за всего этого часть политического класса в его собственной стране (особенно демагоги) считает Бальцеровича своим врагом. В настоящее время он явно стоит на пороге прямого конфликта с могущественными братьями Качинскими (...) Они хотят

лишить его влияния на банковский контроль, а полномочия, связанные с финансовым контролем, сосредоточить в кабинете премьера. Европейский центробанк и Международный валютный фонд уже выразили свою обеспокоенность тем, что такой шаг приведет к росту политического давления на финансовые рынки, потому что именно так кончается введение подобного сверхконтроля. Ситуация, в которой оказался Бальцерович, — это грозное напоминание о том, какой хрупкой может быть независимость центрального банка, а также доказательство того, что эту независимость нужно охранять с величайшей заботой и честностью». («Газета wyborcza», 14-15 авг.)

- «В субботу председатель ПНБ созвал пресс-конференцию только для того, чтобы заявить, что не явится на заседание следственной комиссии Сейма (...) По словам Бальцеровича, создание следственной комиссии по делам банков вызвало сомнения у многих конституционалистов и было передано на рассмотрение в Конституционный суд. «Я считаю, что Конституционный суд — это последняя инстанция, определяющая в правовом государстве соответствие правовых актов конституции», — сказал Бальцерович, добавив, что в случае решения суда в пользу комиссии он явится по ее вызову (...) Премьер-министр [Ярослав Качинский] заявил вчера прямо: «В такой ситуации государство имеет право применить силу»». («Жечпосполита», 11 сент.)

- Из открытого письма в газету «Файненшл таймс» 20 профессоров университетов, высших экономических училищ и научно-исследовательских институтов США и Европы: «Нападки польского правительства и большинства парламентариев на независимость ПНБ вызывают глубокую обеспокоенность (...) В ЕС независимость центрального банка гарантирована Маастрихтским договором (...) Предположения, что председатель центробанка вступил в конфликт с законом, должны изучаться судом, а не звучать из уст министров и обсуждаться парламентской комиссией. Мы надеемся, что ЕС, Европейский парламент и Центральный банк обратят внимание польских властей на неуместность их действий и опасности, связанные с избранным ими путем. Надеемся также, что [польское] правительство подумает об изменении своей политики». («Газета wyborcza», 12 сент.)

- «Вчера могила Яцека Куроня на варшавском Повонзковском кладбище стала местом паломничества тысяч людей. Несмотря на дождь, они пришли, чтобы зажечь свечи и выразить свой протест против порочения его имени (...) Бывший президент

Александр Квасневский благодарил судьбу за то, что на своем политическом пути он встретил Яцека Куроня и мог сотрудничать с ним за «круглым столом». «Я горжусь тем, что мог наградить его орденом Белого Орла», — сказал Квасневский (...) Несколько дней назад газета «Жиче Варшавы» опубликовала несколько составленных гэбэшниками протоколов допросов Яцека Куроня в 1985–89 гг. под заголовком «Куронь вел переговоры с госбезопасностью». Деятели «Лиги польских семей» (ЛПС) потребовали отобрать у Куроня орден Белого Орла, а лидер ЛПС вице-премьер Роман Гертых сравнил действия Куроня с предательством Тарговицкой конфедерации». («Газета wyborча», 4 сент.)

• Проф. Ежи Едлицкий: «Главная задача интеллигенции как непрофессиональной группы заключается в том, чтобы критически наблюдать за жизнью государства и общества и вмешиваться всякий раз, когда в этом возникает необходимость, в соответствии с правилами и критериями, принятыми в гражданском обществе (...) Подписывать письма протеста и выступать за что-то — вот форма существования интеллигенции, ибо эти письма составляет и подписывает в первую очередь она сама, порой с положительным результатом (...) К сожалению, сегодня эта критическая функция выполняется довольно плохо. Крах «Унии свободы» стал для меня печальным фактом, ибо у этой партии был явно интеллигентский характер и превосходная элита (...) Бескорыстная критика, укорененная в прочной системе ценностей и уважающая деловые качества, — это необыкновенно важная общественная функция, а при демократии она стала еще важнее, чем прежде (...) Итак, у интеллигенции большое будущее. Если только она его захочет». («Политика», 9 сент.)

• «По мнению суда, нет доказательств того, что [бывший вице-премьер и министр финансов] Зита Гилёвская сознательно сотрудничала со госбезопасностью». («Жечпосполита», 7 сент.)

• Согласно опросу Института ГфК «Custom Research Worldwide», наибольшим доверием в Польше пользуются учителя (85%), военные (76%) и врачи (75%). Следующие места занимают: полицейские (63%), журналисты (61%), священники (58%), юристы (45%), менеджеры (23%) и политики (8%). («Жечпосполита», 8 авг.)

• Павел Спевак, социолог: «Процесс свертывания демократии состоит в том, что все меньше людей хотят участвовать в демократическом процессе, падает доверие к административной и политической элите, а граждане в целом

не доверяют закону, судам и институтам собственного государства, ибо уверены, что политические решения принимаются вне сферы общественного контроля, а общество не имеет на них даже косвенного влияния. Граждане считают (об этом свидетельствуют многочисленные социологические опросы), что если консолидация капиталистической системы уже произошла, то в политической сфере мы недалеко ушли от методов времен реального социализма». («Дзенник», 2–3 сент.)

- «Союз демократических левых сил (СДЛС), «Польская социал-демократия», «Уния труда» и Демократическая партия demokraci.pl идут на выборы в органы местного самоуправления единым блоком как Соглашение левых и демократов «Общая Польша»». («Дзенник», 4 сент.)

- Согласно опросу института ГфК «Полония», если бы выборы прошли в середине сентября, «Гражданская платформа» (ГП) набрала бы 30% голосов (что дало бы ей 223 места в Сейме), «Право и справедливость» (ПиС) — 23% (169 мест), «Самооборона» — 9% (66 мест). В Сейм не вошли бы: «Общая Польша» (5%), ЛПС и аграрная партия ПСЛ (по 2%). («Жечпосполита», 13 сент.)

- «Премьер-министр Ярослав Качинский объявил, что выборы в органы местного самоуправления пройдут 12 ноября (...) Первый тур выборов, в ходе которого мы будем выбирать депутатов гминных, поветовых и воеводских советов, а также войтов, бургомистров и президентов городов, состоится в воскресенье 12 ноября. Второй тур пройдет 26 ноября там, где войтов, бургомистров и президентов городов не удастся избрать в первом туре». («Жечпосполита», 12 сент.)

- «[На Экономическом форуме в Кринице] премьер-министры Ярослав Качинский и Виктор Янукович поддержали проект продолжения трубопровода Одесса — Броды до Плоцка. Качинский сказал, что есть шанс получить на это дотацию Евросоюза в размере 400 млн. евро (...) Переломное значение имело и сообщение о том, что Польша и Литва объединят свои энергетические системы (...) На Экономическом форуме премьеры Польши и Украины говорили также о вступлении Украины в НАТО (...) Затронут был и вопрос о вступлении в Евросоюз. Украина хочет вступить в ЕС, а Польша хочет ей в этом помочь». («Жечпосполита», 7 сент.)

- Премьер-министр Украины Виктор Янукович: «Мы воспринимаем Польшу как нашего ближайшего и крупнейшего партнера на Западе. Это первое государство, которое начало лоббировать интересы Украины в Европе. Мы хотим развивать

наше партнерство с Польшей. Нет у нас и путей отступления от плана Украина—ЕС, который должен завершиться вступлением Украины в Евросоюз». («Жечпосполита» и «Дзенник», 6 сент.)

- «В Польше работают легально почти три тысячи украинцев. По некоторым оценкам, нелегально их, возможно работает около ста тысяч». («Ньюсуик-Польша», 20 авг.)

- Президент Литвы Валдас Адамкус во время визита президента Леха Качинского в Вильнюс: «Нас объединяет неслыханное в масштабах ЕС сотрудничество. На протяжении более чем 600 лет Польша и Литва были образцом добрососедских отношений, и эти отношения останутся образцовыми и впредь». («Жечпосполита», 6 сент.)

- «Адам Михник стал почетным профессором Киево-Могилянской академии (...) Академия (...) возродилась в 1991 г. после обретения Украиной независимости». («Газета wyborcza», 2-3 сент.)

- «Директор начальной школы в окрестностях Гродно вынужден был уволиться, так как 1 сентября пригласил на церемонию присвоения школе имени Элизы Ожешко генерального консула Польши в Гродно Анджея Крентовского». («Жечпосполита», 13 сент.)

- Сергей Приходько, помощник президента России: «Российско-польское сотрудничество не соответствует высоким стандартам взаимного доверия и уважения, которые у России сложились с подавляющим большинством государств не только Западной, но и Восточной Европы». В беседе с корреспондентом Польского агентства печати Приходько заявил, что улучшению отношений мешают «ненужные отсылки к болезненным, но уже отошедшим на второй или на третий план историческим событиям». («Газета wyborcza», 13 сент.)

- «В Быковне под Киевом обнаружены захоронения поляков, расстрелянных НКВД в 1940 году (...) Найденные останки принадлежат полякам из группы 3435 офицеров, полицейских и чиновников, пребывавших в заключении в Киеве, Харькове и Херсоне. Весной 1940 г. были расстреляны 22 тысячи польских офицеров, а также гражданских лиц». («Жечпосполита», 9 авг.)

- Глеб Павловский: «Недавнее решение Варшавы участвовать в проекте американского противоракетного щита обострит польско-российские отношения. Позиция клиента США (...) не прибавляет Польше доверия и уважения. Именно поэтому в

России к Польше порой относятся как к стране, имеющей даже меньшее значение, чем Венгрия или Чехия». («Дзенник», 18 авг.)

• «Официально войны нет. Есть лишь отдельные проблемы, требующие решения. У каждого невралгического пункта есть свое рациональное обоснование. Блокада порта в Эльблонге была введена после истечения срока соглашения о судоходстве [в Пилавском проливе]. Эмбарго на экспорт мяса и сельскохозяйственных продуктов было наложено в ноябре прошлого года после того, как оказалось, что некоторые польские экспортеры пользуются фальшивыми ветеринарными и фитосанитарными документами. Даже поляки этого не отрицали. Поставки нефти [на Мажейкский нефтеперерабатывающий завод] были прерваны из-за аварии северной нити трубопровода «Дружба». С газом никаких проблем нет — есть только вопрос цены, нормальный при рыночных отношениях. Итак, с формальной точки зрения ничего сверхъестественного в наших отношениях не происходит. Как говорят русские, все нормально (...) По мнению Зигмунта Бердыховского, директора Восточного института и организатора Экономического форума в Кринице, напряженность в польско-российских экономических отношениях — это очевидное следствие польской восточной политики, поддерживающей стремление украинцев, белорусов и грузин к независимости. России это не нравится». (Адам Гжешак, «Политика», 9 сент.)

• Ирина Кобринская: «Проблемы в польско-российских отношениях остались те же. Прошлые, и в первую очередь Катынь. Настоящее — демократия, общие соседи, прежде всего Украина и Белоруссия, энергетика. В дополнение к ним — общий контекст двусторонних связей, а именно с Евросоюзом и США». («Дзенник», 23 авг.)

• «Новые принципы пересечения польской границы гражданами России, Украины и Белоруссии вызвали замешательство (...) В соответствии с законодательством ЕС, с 1 августа наши восточные соседи, проезжающие через Польшу, должны будут иметь транзитные визы. Однако «шенгенская виза» должна быть действительной как при въезде в Польшу, так и при выезде (...) Российское агентство ИТАР-ТАСС сообщило, что Польша в одностороннем порядке изменила правила транзита, а российская консульская служба не была об этом вовремя уведомлена». («Жечпосполита», 14-15 авг.)

• «Вчера Сейм изменил конституцию так, чтобы польские прокуроры могли и впредь пользоваться европейским орденом

на арест. Быстрый, освобожденный от излишних формальностей, эффективный — а значит, полезный — европейский ордер на арест останется в польском законодательстве». («Жечпосполита», 9–10 сент.)

- «К двум годам лишения свободы условно с пятилетним испытательным сроком и к штрафу в размере 4 тыс. злотых приговорил Варшавский окружной суд Кароля Г., обвинявшегося в нападении на главного раввина Польши Михаэля Шудриха. Такое наказание избрал для себя сам обвиняемый. Прокуратура согласилась». («Газета выборча», 26–27 авг.)

- «Мужчины в масках избили марокканца Абделя К., одного из участников фестиваля «Театральная деревенька», проходившего в Венгайтах в Варминско-Мазурском воеводстве (...) Они набросились на него с криками: «Это за то, что ты черный»». («Дзенник», 24 июля)

- «Мартин Корнак из Антифашистского общества, главный редактор ежеквартального журнала «Нигды венцей» («Никогда больше») подсчитал, что за последние годы неонацисты убили в Польше по меньшей мере 36 человек (...) Почетный председатель ВМ стал министром образования [ВМ — «Всепольская молодежь», довоенная антисемитская молодежная организация, возрожденная в 1989 г. Романом Гертыхом] (...) Кроме вождя в правительство вошли: член центральных властей ВМ Рафал Вехецкий — министр морского хозяйства; бывший председатель ВМ Радослав Парда — замминистра спорта (...) К ВМ принадлежат также замдиректора Польского телевидения, член Всепольского совета по телевидению и радиовещанию, три члена контрольных советов радио и телевидения, 11 депутатов, три европарламентария, 15 депутатов воеводских сеймиков, два вице-маршала воеводств и полтора десятка министерских чиновников». (Войцех Маркевич, «Политика», 12 авг.)

- «70% поляков, опрошенных ЦИМО, чувствуют себя в безопасности по месту жительства. Это лучший результат за всю историю Третьей Речи Посполитой (для сравнения, в 1994 г. 54% опрошенных чувствовали себя в опасности)». («Тыгодник повшехный», 20 авг.)

- «Согласно опросу, проведенному по заказу «Жечпосполитой», за строительство в Польше атомной электростанции высказываются только 34% поляков. Против — 57%. Среди противников преобладают опасения, связанные с

безопасностью, — на этот аргумент сослались 82% опрошенных». («Жечпосполита», 21 авг.)

- Маркус Сведберг, аналитик Стокгольмского института экономики переходного периода (SITE) на Экономическом форуме в Кринице (1880 участников из 58 стран): «С экономической точки зрения этот газопровод [по дну Балтийского моря] — не проблема (...) Для Швеции важнее экологический аспект. Но моя страна не высказывается. В каком-то смысле я рад активности Польши». («Тыгодник повшехный», 12 сент.)

- ««Долина Роспуды — это фрагмент сети «Природа-2000», т.е. место, охраняемое законодательством ЕС, где встречаются виды приоритетного значения (...)», — говорит Пшемислав Хыларецкий, орнитолог и один из участников кампании за спасение Роспуды (...) Спор о кольцевой дороге вокруг Августова продолжается уже 14 лет. Все это время дорожники пытались протолкнуть проект, грозящий долине Роспуды гибелью. Лишь под давлением экологов они согласились рассмотреть другие варианты, но сочли их неудовлетворительными. Экологи предлагают трассу длиной в 40,5 км, которая решила бы проблемы не только Августова, но и Сувалок. Вариант, проталкиваемый Генеральной дирекцией польских дорог и автострад, предполагает трассу длиной в 17,5 км. Планируемая дорожниками кольцевая дорога будет стоить около 300 млн. злотых (...) Вариант экологов дорожке на 670 млн., но 75% этой суммы мы можем получить из фондов ЕС (...) Уже больше трех недель на страницах «Газеты выборчей» идет баталия за спасение Роспуды. Адам Вайрак (...) стал голосом всех защитников природы (...) Он выступает по телевидению, печатается в газете, (...) развернул интернет-акцию против строительства. Под его письмом протеста подписалось более 130 тыс. человек (...) Отрицательным героем борьбы за долину Роспуды стал министр охраны окружающей среды Ян Шишко, давший разрешение на прокладку через долину Августовской кольцевой дороги». (Юлиуш Цвелюх, «Пшекруй», 10 авг.)

- Проф. Збигнев Витковский, член Комитета охраны природы ПАН, бывший главный хранитель природы: «Говоря «охрана природы», мы даем понять, что мы, избранный вид, делаем для природы что-то хорошее. Между тем, охраняя другие виды, мы делаем это ради своего же будущего (...) Помимо экономической и социальной безопасности, охрана окружающей среды, в т.ч. и природы, — важная составляющая безопасности вообще (...) Польское общество традиционно настроено против природы: 90% гмин не соглашаются

включить часть своей территории в [сеть] «Природа-2000» (...) «Природа-2000» показала, что ценные участки занимают около 16-20% территории страны и обнаруживаются даже там, где мы ничего не замечали». («Тыгодник повшехный», 20 авг.)

- «В Польше территории, охраняемые т.н. директивой о местах обитания, в которой перечислены виды растений и животных, а также экосистемы, занимают 4,2% площади страны, а территории, на которых охраняются птицы, — 7,8%. Для сравнения: в Словении птицы охраняются на 23% территории, а другие виды животных и растений — на 31%. В Испании эти цифры составляют соответственно 17 и 22%, в Словакии — 25 и 11%». («Тыгодник повшехный», 20 авг.)

- «По данным ЦИОМа, в 1993 г. о состоянии окружающей среды всерьез беспокоились более 75% поляков, в 2000 г. — половина, а в настоящее время — лишь 40% (...) О состоянии окружающей среды почти не беспокоятся крестьяне, жители деревень и малых городов, а также люди старше 65 лет и наименее образованные». («Политика», 9 сент.)

- «Хозяева четырехлетней кошки по кличке Норка не поверили своим глазам, когда под окнами квартиры в Торуня на ул. Рыбаки увидели свою любимицу (...) За две недели до этого они увезли Норку к родителям, живущим в маленьком городке Лесмеже близ Лодзи, отдаленном от Торуня на более чем 125 км (...) Кошка добралась до Торуня измученная и обезвоженная. Должно быть, она шла вдоль шоссе, преодолевая (...) перекрестки, мосты, железнодорожные переезды. Она прошла через многие населенные пункты — Ленчицу, Кросневице, Коваль, Влоцлавек, — перешла по мосту через Вислу (...) В день она проходила 5-7 км, скорее всего ночью, когда движение слабо, а большинство людей спало». (Славомир Цендровский, «Коте справы» («Кошачьи дела»), сентябрь)

КШИЖОВА — МЕСТО МЕЖДУНАРОДНЫХ ВСТРЕЧ

Кшижова (в переводе Крестовая), небольшая деревня в Нижней Силезии, на первый взгляд кажется весьма типичной. Старые, ветшающие дома, несколько магазинов, костел, автобусная остановка. Но есть нечто, что выделяет ее среди таких же деревень. Это дворцовый комплекс в стиле необарокко, окруженный парком, но в особенности та цель, которой он теперь служит. Хозяин этого места — фонд «Кшижова». Благодаря ему никому прежде не известная деревня превратилась в центр, где проводятся конференции и встречи молодежи, приезжающей сюда со всей Европы.

История дворца весьма любопытна: некогда он принадлежал роду фон Мольтке. Дворец был куплен Гельмутом фон Мольтке (благодаря которому создавалась военная мощь Пруссии, а затем и Германской империи) в самом конце его жизни. Однако после смерти владельца имение с экономической точки зрения пришло в упадок, оставаясь лишь символом немецкой мечты о могуществе и местом поклонения памяти фельдмаршала. Во время войны род фон Мольтке, несмотря на свое очевидное семейное прошлое, выступил с начинанием, которое для реалий III Рейха было абсолютным безумием. Используя свои многочисленные связи, они создали здесь в 1940 году организацию «Крест Крейсау» («Kreisauer Kreis»; Крейсау — немецкое название Кшижовой). Здесь, в Кшижовой, проводились встречи людей из всех немецких демократических и вообще антинацистских кругов. Главной их целью был вовсе не призыв своими действиями способствовать падению Гитлера, ибо, по их мнению, это было и так предрешиено. Участники «Креста Крейсау» стремились — несмотря на мировоззренческие различия — с помощью компромисса наметить пути развития послевоенной Германии, чтобы сразу после падения гитлеровского режима Германия смогла создать сильное и стабильное демократическое правительство. Однако действовали они в одиночку, и их провал стал лишь вопросом времени. Это случилось после неудавшегося покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., совершённого полковником Клаусом фон Штауфенбергом, который был связан с этой группой. Неудача покушения повлекла за собой целую серию арестов, которые

привели к разгрому «Креста» и казни части его членов. В числе казненных был и главный инициатор создания «Креста», владелец замка Гельмут Джеймс фон Мольтке.

Как, собственно, родилась идея создания фонда «Кшижова»? Инициатором выступила группа людей, объединившихся вокруг вроцлавского Клуба католической интеллигенции. В эту группу наряду с поляками входили немцы, американцы и голландцы. Вдохновленные деятельностью «Креста Крейсау», они решили, руководствуясь его идеалами, открыть в деревне Кшижовой международный центр встреч. Первоначальные планы относятся к 80-м годам, когда еще не было реальных возможностей их осуществить. Это стало возможно лишь после падения коммунистической системы.

В 1990 г. был учрежден фонд «Кшижова — за европейское взаимопонимание». Место его размещения было неслучайным. Деревня расположена в Нижней Силезии, которая издавна считается спорной территорией, пограничьем. И все же главной причиной выбора места стала традиция «Креста Крейсау». Впрочем, окончательное решение о создании фонда было принято под влиянием события, которое произошло в 1989 году. Здесь, в Кшижовой, состоялась историческая встреча канцлера ФРГ Гельмута Коля с первым премьер-министром посткоммунистической Польши Тадеушем Мазовецким и была отслужена «месса примирения». Благодаря этому событию облегчалась задача сбора средств на восстановление разрушенного во времена ПНР дворца; работы по его восстановлению начались в 1990 г., а завершились в 1998-м. С тех пор фонд работает уже в полную силу.

Главная задача фонда — достичь польско-немецкого примирения в новую эпоху. Достичь взаимопонимания как между двумя демократическими странами, так и между гражданами этих стран. Кроме достижения польско-немецкого примирения, у фонда есть и другие, более универсальные цели. Одна из наиболее важных целей — «инициировать и поддерживать деятельность, направленную на упрочение мирного и отмеченного взаимной терпимостью сосуществования наций, социальных групп и отдельных граждан». Учредители стремились к тому, чтобы с помощью различного рода деятельности фонд способствовал взаимопониманию и миру в Европе.

Деятельность фонда подразделена на четыре направления: Международный дом встреч молодежи, Место памяти, Европейскую академию и Центр конференций.

Международный дом встреч молодежи — это важнейший из всех проектов фонда. С помощью проводимых здесь семинаров, тренингов, конференций или даже художественных акций на пленэре молодежь из разных стран знакомится друг с другом, познавая обычаи и языки других. Педагогические принципы МДВМ основываются на взаимоотношениях личности и сообщества, а также на обязанностях и привилегиях личности («ибо не за счет единообразия создается группа, но за счет плодотворного напряжения, возникающего из неизменности позиций каждой личности, ее создающей»). В число этих принципов входят также самостоятельные действия молодежи, а не пассивная педагогическая деятельность, художественное творчество, экуменизм, экология и встречи разных поколений как средство получения более широких знаний о мире. Такой нешаблонный подход к образованию и воспитанию, в том числе и патриотическому, приводит к тому, что ежегодно здесь собирается несколько тысяч молодых людей, главным образом из Польши и Германии, но и из других европейских стран.

Следующий проект — Место памяти фонда «Кшижова». Главная его цель — сохранить память о движениях Сопротивления, направленных против тоталитарных режимов. Одним из таких движений был «Крест Крейсау», история которого служит отправной точкой для дальнейшей деятельности каждой из приезжающих сюда групп. Важным элементом этого проекта является также постоянная выставка «Отвергая ложь. Из истории сопротивления и оппозиции тоталитаризму в XX веке». На выставке представлена история борьбы за права человека — с нацистским или коммунистическим режимом, в том числе в таких менее известных аспектах, как, например, борьба литовцев за сохранение самобытности в СССР или деятельность русской демократической оппозиции.

Следование традиции «Креста Крейсау» наблюдается и в Европейской академии. Во главу угла здесь поставлены открытость и желание вести диалог с разными кругами и культурами, а также уверенность в том, что «условие построения демократической Европы — это взаимная открытость столь различных миров, как Восток и Запад». Академия поддерживает европейскую интеграцию — не только в рамках Евросоюза, но и в более широких масштабах, включая страны, не входящие в ЕС. Деятельность академии адресована главным образом взрослым и заключается в организации конференций, встреч, тренингов и практикумов.

Последнее направление деятельности фонда — это Центр конференций, который занимается коммерческой стороной организации конференций и семинаров для фирм.

Однако главная роль здесь принадлежит людям из фонда. Это те, кто его учреждал, затем волонтеры, как из Германии, так и из Польши, а также сами участники встреч. Им-то и обязана своей особой атмосферой сегодняшняя Кшижова.

В штате фонда работает около 35 человек. Во главе — правление из двух человек, которое занимается и программой, и финансами фонда. Правление подчиняется общественному наблюдательному совету фонда, который избирается на три года международным советом. Для поддержки отдельных проектов (Европейская академия, МДВМ и т.д.) создаются специальные комиссии, в работе которых участвуют как штатные сотрудники фонда, так и люди, работающие на общественных началах. Особые заслуги перед фондом отмечаются включением в почетный совет. В него входят и те, кто своей деятельностью способствовал созданию фонда, — в частности, Фрея фон Мольтке, вдова Гельмута Джеймса фон Мольтке, которая несмотря на свой немалый возраст весьма активно помогает «Кшижовой».

Однако для функционирования фонда не менее важны и молодые волонтеры, студенты из Польши и Германии. Они помогают проводить тренинги, водят экскурсии по центру, переводят. Несмотря на большую ротацию, возможность попасть хотя бы на полугодовую практику в фонд граничит с чудом и требует по-настоящему высокой квалификации.

Как это выглядит на практике? Предоставим слово участнику одного из тренингов, организованных при участии фонда.

— Проект, в котором я принимал участие, назвался «Как бы мы хотели жить вместе?» Он касался взаимопонимания — как польско-немецкого, так и между разными поколениями. Первая часть этого семинара проходила в Берлине, вторая — в Кшижовой. Организаторы старались так составить список участников, чтобы половину составляли немцы, половину — поляки. Это была главным образом молодежь (моего возраста), но были и люди постарше. При выборе участников речь шла главным образом о том, чтобы у каждого было что-то общее с обеими странами. Среди нас были немцы, обучавшиеся в польских вузах или наоборот — поляки из немецких университетов либо изучавшие германистику. Многочисленным было представительство силезцев — людей пограничья двух культур. Были также немцы из числа «изгнанных» после II Мировой войны, несколько членов

демократической оппозиции из Польши и бывшей ГДР (например, один из организаторов, Людвик Мельхорн) и эмигрантов времен военного положения. Такое разнообразие, как потом оказалось, обеспечило весьма любопытные результаты. Проявилось это главным образом в дискуссиях, которые проводились в небольших группах по несколько человек на заранее подготовленные организаторами темы. Несмотря на имевшиеся поначалу трудности и скованность быстро оказалось, что исчезает даже языковой барьер. Спустя какое-то время даже те, кто не знал обоих «официальных» языков, принимали активное участие в дискуссиях, используя английский или оперируя тремя языками вперемешку и, что самое главное, пользуясь помощью организаторов, которые героически старались переводить все с немецкого на польский и обратно.

Каковы были темы бесед? Наши личные истории были первой, как бы разогревающей темой — таким образом мы познакомились друг с другом, а заодно и с механизмом будущих бесед. Группы каждый раз составлялись методом жеребьевки и в основном так, чтобы в группе было трое молодых людей и один или двое участников постарше. Состав групп менялся перед каждой очередной беседой. Таким образом можно было познакомиться с очень большим числом людей, с историей их жизни, взглядами, точками зрения.

Последнее, пожалуй, и было самым главным. При смене точки зрения легче понять другую сторону и ее требования. Следующими темами были трудности в отношениях между нашими народами, способы их улаживания, замыслы на будущее. Результаты коллективных размышлений представлялись затем на двух языках на пленуме «круга»: так, в кружок, рассказывались участники. Важную роль во всем процессе в целом играли и совместные прогулки или экскурсии по городу (Берлину) а затем по Кшижовой, а также совместные вечеринки, время для которых всегда старалась выкроить в процессе нашей работы другой организатор Агнешка Цвелёнг. Именно это придавало всей атмосфере дружескую открытость. По завершении первой части нашей работы мы переехали из Берлина в Кшижовую, где участники разделились на четыре группы. Каждая из них должна была подвести итоги и представить в свободной форме наши беседы и идеи.

История, сегодняшние трудности и ценности в польско-немецких отношениях — вот те, как оказалось, самые трудные вопросы, по которым надо было выработать общую позицию. Несмотря на то что нам был предоставлен на это почти целый день, даже во время ужина не прекращались горячие споры на эту тему. По достижении компромисса пришло время испытать наши творческие способности — нам надо было придумать, как

интереснее всего представить свои выводы. Наша «историческая» группа выбрала пантомиму, другая группа дала спектакль, а еще был зачитан юмористический проект конституции, или взаимного соглашения между народами, в котором были показаны все пороки нашего мышления стереотипами. Им-то больше всего досталось по ходу осуществления этого проекта. Знакомясь с конкретными людьми, мы убеждались, что не существует такого понятия, как «типичный» немец или поляк. Попросту все попытки шаблонного подхода к той или иной личности заканчивались взрывами смеха и, как бы там ни было, весьма неприятным осознанием, что часто мы просто обобщаем и не стараемся действительно понять другого человека.

Проект «Кшижова» начал работать в полную силу в момент завершения работ по восстановлению разрушенного дворцового комплекса, то есть в 1998 году. С того времени здесь побывали десятки тысяч молодых и не слишком молодых людей. В масштабе страны может показаться, что этого мало, однако сделан первый, самый трудный шаг на пути к достижению взаимопонимания между народами Европы. Благодаря помощи правительств Германии и Польши, Евросоюза и неправительственных организаций в будущем, возможно, появится больше таких мест, как Кшижова. Быть может, такой путь был бы верен также для Польши и России или же вообще для взаимопонимания между Западом и Востоком.

ПИСАТЕЛЬ В КЛЕЩАХ

«Я не властен над ящиком моего собственного письменного стола. Мой дом — совсем не моя крепость», — написал в январе 1970 г. Павел Ясеница. Этими словами он открывал свой «Дневник», последнюю, уже не оконченную книгу. Он умер в августе 1970-го.

Это были драматические похороны. Среди многих похорон той эпохи, у которых был аспект политической и моральной демонстрации, эти были, пожалуй, самыми пронзительными.

I.

Я запомнил этот день хорошо. Было очень тепло. Я работал тогда в две смены, поэтому ушел с работы, чтобы успеть на Повонзки. У меня перед глазами стоит большая толпа выходящих из костела — бледное лицо Антония Слонимского рядом со Стефаном Киселевским; Ян Юзеф Липский и Владислав Бартошевский, несущие венок; Богдан Цивинский, читающий письмо Антония Голубева.

Я вижу выступающего Станислава Стомму, друга по Виленскому университету... Наконец, Ежи Анджеевского, который дрожащим, хотя и стальным голосом произносит большую речь в защиту опороченного писателя и в осуждение его притеснителей. Этих слов Анджеевского я никогда не забуду — это был голос растоптанной, униженной, но все же гордой и свободной Польши.

С Павлом Ясеницей я был знаком не очень долго, и это не было близкое знакомство. Я познакомился с ним лично, еще будучи лицеистом в «Клубе Кривого Колеса», — меня представил Ян Юзеф Липский. Я запомнил его публичную лекцию о «польской анархии» — блестящую полемику с тезисом о том, что поляки — анархичный народ и потому их следует держать на привязи. После этого я его встречал случайно, обычно в высшем обществе. Судьба столкнула нас неожиданно — в 1968 году.

19 марта 1968 года первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка произнес речь, в которой по-своему оценил т.н. мартовские события. Тогда же он обстоятельно занялся и Павлом Ясеницей, в частности, сообщив: «У Ясеницы большой опыт конспиративной деятельности, он знает, как организовать битву с противником (...) Он хорошо знает, что

такое патриотический энтузиазм и вместе с тем доверчивость студенческой молодежи. Он завязал знакомство с некоторыми студентами, в частности, с Михником».

Так нас объединил Гомулка в своей разгромной речи. И это была не самая вопиющая ложь, которую он произнес. Все было иначе: двое студентов, Ирена Грудзинская и автор этих строк, попросили Ясеницу о встрече. Мы сообщили писателю о развитии событий в Варшавском университете и вручили ему распространявшиеся антисемитские листовки.

Во время своего процесса в начале 1969 г., не желая впутывать писателя в очередные проблемы, я заявил, что не знаю Ясеницу лично; однако, чтобы это не выглядело так, словно я отмежевываюсь от оплеванного человека, выразил сожаление, что не познакомился с этим незаурядным писателем.

II.

Это действительно был очень незаурядный писатель. В своих книгах — от «Польши Пястов» до «Речи Посполитой Обоих Народов» — этот конспиратор и солдат Армии Крайовой, известный публицист и репортер, по-новому рассказывал историю Польши и поляков. Рассказывал красочно, вдохновенно, заставляя задуматься. Он приобрел необычайную популярность — его книги расходились несколькими изданиями в сотнях тысяч экземпляров.

В этих книгах, страстных, часто критичных, он стремился представить польскую историю как пространство решений людей, которые заблуждались и находили, бывали зоркими и поверхностными, мудрыми и неразумными, смелыми и трусливыми. Для каждого читателя было очевидно, что на историю можно влиять, что ее можно творить по-разному.

В своих диагнозах он был проницателен вплоть до жестокости — когда писал о крахе правительства магнатов и распаде шляхетской демократии, когда указывал на мрачные аспекты идеологии Контрреформации. В своих анализах и прогнозах он оказывался пророком: его размышления о польско-украинских отношениях до сих пор, сорок лет спустя, поражают меткостью и мудростью, а главное — объективностью. Ясеница сумел взглянуть на конфликт с украинской стороны, освободиться от точки зрения и риторики польской мании величия, показать полякам все ошибки в политике в отношении Украины. А ведь он писал это уже после кровавой волынской трагедии... Только два знакомых мне человека обладали такой зоркостью и широтой взгляда — Ежи Гедройц и Яцек Куронь.

Ясеница писал, что «достигла предела практика произвола в отношении Украины, отношения к этой стране как к полю для роста состояний». Он писал также: «Просто формирующаяся, но уже физически крепкая украинская нация не нашла для себя удобного места в государстве двух народов. Она могла сохранить верность королю, но только при условии получения равноправного третьего места в Речи Посполитой». Польша этого не поняла и поэтому отвергла Украину — с известным результатом. Но в то же время Ясеница не скрывал, к каким роковым последствиям привел Украину выбор пути с Россией.

III.

О творчестве Ясеницы писали уже многие и наверняка еще напишут. Для меня очевидно, что эти книги нужно по-прежнему читать, если хочешь понять, откуда мы пришли и где кроются корни сегодняшних болезней польской политики и духовности.

Ясеница писал: «Безнаказанность в верхах представляла собой явление нравственно возмутительное, но вполне логичное и разумное. Осуждение любого магната создало бы роковой прецедент для всех. Круг раз и навсегда привилегированных защищался от расплаты. Открещивался от призрака ответственности. Старательно отпускал грехи своим».

Совершенно ясно, что Ясеница имел в виду не только Любомирских или Радзивиллов... На ПНР он смотрел трезво и без иллюзий. Не верил в мировую войну, которая освободит Польшу от советского господства, не верил и в успешное антироссийское восстание. Он верил в подход сторонников «малых дел». Верил, что капля камень точит, — а значит, в смысл позиции сопротивления, несогласия, давления на власть. Он был свободным гражданином в порабощенном государстве, смелым человеком, руководствовавшимся рассудительностью. Таков был смысл его послевоенной публицистики в «Тыгоднике повсехном», таков был смысл его «оттепельных» статей 1955–1957 гг., таков был смысл его деятельного участия в «Клубе Кривого Колеса», этом последнем бастионе «польского октября», а также оппозиционная деятельность в литературных кругах. Ее увенчало известное «письмо 34.х» о цензуре, которое взбесило Гомулку, а общественности ясно дало понять, что в Польше существуют люди, которые критикуют власть не только у шурина на именинах.

Наконец, после запрета «Дзядов» Мицкевича в Театре Народовом (январь 68-го), Ясеница оказался в числе тех

писателей, которые открыто произнесли резкие слова протеста. Слова, сказанные Ясеницей, относились к самым резким.

IV.

Открыто критикуя решение снять «Дзяды» со сцены, Ясеница говорил, что с «Дзядами» — как с Вавилонской башней: «...каждый лично может считать ее архитектурным китчем, но никто не властен сдвинуть ни одного камня». «Памятник Мицкевичу на Краковском Предместье стоит, но тогда, когда его устанавливали, нельзя было произносить никакой публичной речи», — напоминал Ясеница, обращаясь к эпохе российского владычества.

Запрет «Дзядов» — это «логичный результат правления не только бесконтрольного и безответственного, но и нисколько не считающегося с общественным мнением. (...) Общественное мнение должна выражать пресса. (...) К сожалению, наша пресса пишет исключительно то, что нравится правящим кругам».

О протестующей студенческой молодежи: «Эта молодежь, которая протестовала против запрета „Дзядов“, — хорошая молодежь. Она доказывает, что ее волнует что-то большее, чем собственная карьера». И, наконец, цитируя антисемитскую листовку, распространенную в университете и направленную против студенческой оппозиции, Ясеница сказал: «Дело о запрете „Дзядов“ вытаскило на поверхность антисемитизм», — поэтому, предупреждал он, «сегодня высказать любую антисемитскую мысль — все равно что повесить себе на шею мельничный жернов», ибо «идет большой процесс снятия вины за преступления с гитлеровской Германии и навешивания ее на нас».

Ясеница напомнил затем письма Вольтера времен правления Станислава Августа. Вольтер вытаскивал на белый свет детали, свидетельствующие о недостатке терпимости у поляков. «Надо отдать себе отчет в том, — говорил писатель, — что о нас есть такое мнение, и делать все возможное, чтобы такое мнение не возникало».

Эти слова были как взрывчатка. Почти никто не отваживался так говорить — без недомолвок, ясно и метко. Ясеница должен был понимать, что навлекает на себя громы и молнии. Зачем же он так поступил?

«Утро 29 февраля 1968 года, дня, который вошел в историю как дата протеста варшавских писателей, — писал Ясеница в «Дневнике», — это утро я провел на Повонзковском кладбище,

в одиночестве. Это было самое подходящее место, чтобы подумать о том, что нам предстоит вечером. Я ни минуты не питал иллюзий, не верил в скорый успешный результат протеста. Но все это вместе взятое вовсе не освобождало от мучительного ощущения долга. По своей инициативе, не советуясь ни с кем, я решил, прежде чем выступить, внести предложение о тайном голосовании, а в выступлении поднять, в частности, вопрос об антисемитизме. Ничему это не поможет, ничего не предотвратит, но это будет соответствовать той самой простой и самой правильной жизненной философии, которая велит соблюдать порядочность».

Читаю сейчас, через 35 лет, эти слова, и горло мне перехватывает. Какую страшную цену пришлось заплатить Павлу Ясенице за порядочность!

V.

Уже через несколько дней он прочитал о себе, что «служит чужим интересам». Ясеница стал объектом мерзкой, тщательно организованной травли, в процессе которой против него использовались материалы из гэбэшных дел. Ему припомнили причастность к вооруженному антикоммунистическому подполью в 1944-1945 годах. И как припомнили!

Один из столпов погромной публицистики писал в «Польском курьере» о Ясенице как о «ярком враге Народной Польши». А еще он писал: «Август 1944 года. Лех Бейнар (Павел Ясеница) дезертирует из польской армии и вступает в разбойничающую на Белосточчине вооруженную банду под командованием Зигмунта Шендзележа по прозвищу Лупашко. Через несколько месяцев становится его заместителем. Подстрекает бандитов Лупашко к убийствам белостокских крестьян, поджогам деревень и грабежам. Не брезгует и „мокрой работой»». В статье обильно цитируются показания из гэбэшного следственного дела, данные на Павла Ясеницу, арестованного в 1948 году. Автор напоминает, что на процессе Лупашко «выносятся суровые приговоры» и инсинуирует: «Однако Лех Бейнар выходит на свободу... начинает карьеру писателя».

Сюжет, запущенный погромным публицистом, подхватил Гомулка в печально знаменитом выступлении в Зале конгрессов. Перечислив вооруженные операции, в которых якобы принимал участие Ясеница, первый секретарь ЦК ПОРП констатировал: «На следствии Ясеница признался, что состоял в банде Лупашко и совершил преступления, в которых его

обвиняли. 3 мая 1949 г. дело Ясеницы было закрыто по известным ему причинам. Его выпустили из тюрьмы».

Гомулка повторил низкую клевету из гбэшного досье — совершил подлость, удивительную даже в те мерзкие времена. Естественным последствием травли писателя было распоряжение Главного управления контроля печати, публикаций и зрелищ [цензурного ведомства ПНР] «не публиковать и не распространять» произведения Ясеницы. Оказавшись под полным цензурным запретом, писатель вынужден был замолчать. К счастью, в Польше писатель чиновничьим приказам не подчиняется: Ясеница умолк, но писать не перестал.

VI.

Сначала он составил короткий документ под названием «Фрагмент биографии», описав в нем все обстоятельства своего ареста, лживо пересказанные Гомулкой. В особенности напомнил, что оказался в тюрьме позже, чем Лупашко и другие, поэтому его арест никак не мог повлиять на судьбу его товарищей по партизанскому отряду. Выходя из тюрьмы, «я не подписывал никаких обязательств». Этот документ он разослал кругу дружественных писателей — Ежи Анджеевский опубликовал его в «Мезге».

Затем Ясеница написал «Размышления о гражданской войне» — превосходный, мудрый и блестящий очерк о контрреволюции в Вандее. Там он описал доктринерское правление якобинцев и жестокость их террора, которые привели к началу крестьянской партизанской войны. Это было, несомненно, веское слово в споре о ходе и смысле французской революции. Выводы Ясеницы были близки позднему анализу Франсуа Фуре, видного французского исследователя той эпохи.

Однако размышления Ясеницы — это и нечто большее: ответ на грубую, лживую и доносительскую кампанию в прессе на тему польской гражданской войны. Во «Фрагменте биографии» он написал коротко: «Всякая гражданская война отличается тем, что со временем становится все более жестокой. История не знает исключения из этого правила». «Размышления о гражданской войне» — это своеобразное завещание Ясеницы, обширное и эрудированное обоснование этого тезиса.

По мнению Ясеницы, народная контрреволюция была продуктом революции особого типа: вандейские крестьяне почувствовали себя хозяевами на своей земле и не хотели

слушать наместников, присланных из Парижа, которые устанавливали якобинские порядки с помощью террора. В Вандее «воевали не из корыстолюбия, а из-за раненого чувства, от отчаяния».

Якобинцы, писал Ясеница, отличались такой же яростью, которая характеризовала большевиков. В эпоху крестовых походов против альбигойцев в XIII веке, вспоминал он, уничтожение людей, подозреваемых в неблагонадежности, становилось правилом. Тогда считалось, что Всевышний без труда узнает невинных на Страшном Суде. Пример же XX века, эту мысль Ясеница повторял неоднократно, должен учить, насколько опасны люди, которые «слишком много знают наверняка».

«Уверенность в том, что они обладают абсолютной истиной, соблазн отрегулировать раз и навсегда разладившийся механизм истории — все это неизбежно склоняет к использованию крайне радикальных средств». Абсолютная власть становится условием достижения цели. Нужно отодвинуть все и обезвредить всех, мешающих единственно правильной идеологии. Особые меры должны применяться только при чрезвычайном положении, но это положение сразу же становится нормой. Для того чтобы изменить это положение вещей, «всегда была необходима помощь людей, думающих иначе, в той или иной степени еретиков».

Ясеница, критик контрреформации и революции, не боялся еретиков. Боялся он только революционеров, которые переходят границу, отделяющую необходимые реформы от «доктринерства, обвенчанного с жаждой полной власти». А еще он боялся неудачников, которые относятся к революции как к шансу отыгаться за жизненные неудачи, — третьеразрядных адвокатов и писателей. Он повторял: «Попробуем забыть на минуту о программах, останемся с тем, что делает человека достойным».

Он не переносил Робеспьера — Неподкупного, идеолога террора и вождя якобинцев, потому что больше идеологии его интересовало «умственное равновесие правящих». «Жажда ничем не ограниченной власти, — писал он, — бешеная борьба за сохранение полученной власти способны сильно нарушить это равновесие, парализуя нравственное чувство».

Проявлением этого паралича были бессмысленные и жестокие репрессии против католической Церкви. «Минуло много непростых столетий истории, — писал Ясеница — прежде чем в некоторых — немногих! — странах мира пришло понимание,

что можно с пользой реформировать политику, экономику, общество, заниматься даже наукой, совсем не высказываясь на тему существования Бога, Его природы и атрибутов. В других странах, однако, до наших дней сохранился тезис, согласно которому недостаточно просто верить или не верить, а нужно еще поступать по установленным правилам».

Правилами яacobинцев были конфискация имущества, изгнание и аресты католических священников, разрушение церквей, осквернение алтарей, попрание человеческих чувств. В неоконченном «Дневнике» писатель добавляет к этому размышления об антирелигиозном терроре большевиков.

Ясеница не осуждает французскую революцию целиком — признает, что ее результаты были «плодотворными, способными к эволюции, усваиваемыми во всех разновидностях». Жалко только, что их фундамент «понапрасну так сильно пропитан кровью». По мнению писателя, историческая правота — на стороне тех вождей революции, которые хотели в 1791 г. задержать ее динамику, в конституционной монархии стабилизировать то, что было в ней важнее всего, «как достижения, наиболее приспособленные к дальнейшей эволюции».

Бесспорно, писатель был сторонником «незавершенных революций» — ничто не указывает на то, что он был энтузиастом реванша революционеров, новых доносов, люстрации и гильотины. Напротив, описывая ежегодные чествования в Вандее, он с одобрением приводил мнение тамошних мэров: «Это хорошее дело. Мы не хотим осуждать — мы желаем признать заслуженный героизм обоих лагерей».

Это мнение, достойное быть высеченным золотыми буквами, высказал на склоне лет писатель — оплеванный, лишенный права голоса, затравленный гнусной пропагандой и гэбэшными досье. И мнение этого писателя заслуживает особого внимания.

VII.

Павел Ясеница был защитником здравого рассудка, рационального мышления, понимания относительности вещей, терпимости, свободы, традиций и компромисса.

Он был наследником традиции Великого Княжества Литовского, родины многих народов, вер и культур, где католики гармонично сосуществовали с протестантами в эпоху горящих храмов в Западной Европе. Как личность он формировался в Вильне, городе многих народов и языков, где

«никому еще в голову не приходило сталкивать евреев на отдельные лавки в аудиториях на семинарах нашего факультета. Литовцы вели ожесточенные, но свободные споры с поляками. Еще сохранялись остатки стиля XIX века, слово „либерал» еще не считалось оскорбительным». Он горько переживал поражение этой традиции, победу духа национализма у всех народов Великого Княжества.

Ясеница вспоминает литовский национализм, «еще более агрессивный и прилипчивый, чем польский, но при этом какой-то детский, который среди взрослых невозможен». Однако в то же время он подчеркивает: «У меня есть неоспоримое право перечислять грехи прежде всего польского национализма, потому, собственно, что поляки были в той части континента наследниками самой древней культуры, пионерами Европы. Если другие национальности поддались помешательству, то Польша совершила измену, отреклась от собственного наследия».

И еще Ясеница приводил принцип Мариана Здеховского, согласно которому «националистические притязания тем больше, чем меньше заслуги перед культурой». Этот принцип, добавлял он, нужно не только провозглашать, но и поворачивать наоборот. Поэтому Ясеница был химически очищен от национализма и понимал ужас его «панконтинентальной инфекции».

Поэтому он формулировал свою мысль ясно: «Любые попытки отобрать у литовцев Вильнюс, а у украинцев Львов стали бы, по-моему, польским национальным самоубийством». Трудно придумать более четкий завет.

Осажденный когортами журналистских головорезов, которые по свистку, получив материалы из гэбэшных архивов, возводили клевету на писателя, практикуя какой-то своеобразный национализм советских лакеев, Ясеница замечал: «Бравые, послушные каждому кивку журналисты особым образом служат истории собственной страны. Но не поможет морда, испускающая патриотические восклицания! Наоборот — еще как повредит».

VIII.

В начале 30-х годов театр на виленской Погулянке поставил пьесу Фердинанда Брюкнера «Преступники», критиковавшую и высмеивавшую правосудие. Разразился скандал — воевода запретил представление. В виленском «Слове» появился тогда протест против запрета, который подписали вместе с

Ясеницей, в частности, Теодор Буйницкий, Чеслав Милош и Стефан Едрыховский. «Моя публичная деятельность, — писал Ясеница, — началась с протеста против административного снятия со сцены „Преступников» Брюкнера. Будет оригинально, если финалом окажется выраженный два года назад протест против такой же судьбы „Дзядов» Мицкевича».

Вскоре после того, как он написал эти слова, писатель умер от рака. Анджей Киёвский написал о нем: «Трудно сказать: убитый. Надо, пожалуй, сказать: замученный».

IX.

Я принадлежу к поколению 1968 года, у которого перед Павлом Ясеницей особый долг — он, собственно говоря, заплатил своей жизнью за то, что заступился за нас, молодежь «критичную, разгульную, самовольную». Поэтому я испытываю какое-то чувство непрерывности и связи. Я бы хотел, чтобы когда-нибудь кто-нибудь смог написать, что были в моем поколении люди, которые сохранили верность заветам Ясеницы, которые в трудные минуты сумели выбрать порядочность, а не карьеризм, которые не участвовали в гонениях на противников и не искали правды в гэбэшных досье. И которые никогда не забыли о красивой жизни Павла Ясеницы, о его мудрых и смелых книгах, о перенесенных им страшных притеснениях.

Мне не хватает смелости написать о самом страшном из этих притеснений — о подлой, хитрой и низкой слежке за писателем в его собственном доме. Право писать об этом, думаю, есть только у самых близких и тех, кто уполномочен самыми близкими. «Остальное пусть останется молчанием», — сказал над гробом Павла Ясеницы Ежи Анджеевский.

X.

Я знал автора «Польши Пястов» довольно плохо, но запомнил его добрую улыбку, безмятежность, иронические шутки. Поэтому закончим в его духе — шуткой.

«Заведение тети Рузи в Райском переулке было в городе широко, хотя и не скандально известно, — писал Ясеница в своем «Дневнике». — Оказавшись на скамье подсудимых и услышав обвинение в том, что она извлекала корысть из разврата, владелица пансионата — назовем его так — якобы попыталась прервать прокурора словами: «Господин судья! Какой разврат? Что за разврат? А господин воевода — это власть или разврат? А господин староста — это власть или разврат?» Клиентами Тети Рузи бывали и защищенные высокими

постами стражи добродетели. Газетой, которой они доверяли, был эндецкий [национал-демократический] «Дзенник виленский», размещавшийся во флигеле в стиле рококо на Мостовой улице. В другом флигеле, тоже принадлежавшем редактору, была квартира конкурентки тети Рузи. Говорят, случилось, что клиенты по ошибке стучали в дверь редакции.

— Слава Отцу и Сыну... Здесь публичный дом?

— Во веки... Нет, напротив.

— Ну, с Богом оставайтесь.

— Идите с Богом».

С Богом, дорогой пан Павел...

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Политикой я сыт по горло — читать о ней не собираюсь, комментировать — тем более, а ее нынешний язык вызывает у меня зубную боль. Просматривая сегодня прессу, я по привычке, приобретенной во времена, когда занимался журналистикой, оставил включенным телевизор с программой последних известий и из уст свободно говорящего по-польски американского профессора услышал, что в России достаточно отъехать на 50 километров от Москвы или Петербурга, чтобы оказаться в XVII веке. Я чуть с тахты не свалился. Что поделаешь: если эти американцы больше ничего о России сказать не могут, то пора с ними кончать. Я во всяком случае отъехал от обоих названных городов куда дальше, оказался в сибирской глуши и должен сказать, что хотя стать на колени это меня не заставило (кроме природы: взять хотя бы окрестности Байкала), тем не менее невозможно не заметить темпов и размаха модернизации. Никто мне мозгов не прочищал, смотрел я на все непредубежденным взглядом и уверен в одном: те города, что я видел, перестраиваются, а если говорить об образе жизни сибирских горожан, то он не отличается от варшавских образцов. Конечно, есть нужда, это правда, но есть и бросающееся в глаза богатство. Да где уж мне равняться своими наблюдениями с американским профессором!

Но не я один путешествую. Путешествует, например, писатель Анджей Стасюк, прозу которого мы недавно представляли на страницах «Новой Польши». После книги «По дороге в Бабадаг» он недавно издал новую — «Фадо». Обширную статью (что в последнее время вышло у нас из обыкновения) посвятил ей Михал Павел Марковский на страницах «Европы» (2006, №36), отличного субботнего приложения к газете «Дзенник». Статья называется «Судьба, воображение, одиночество». Автор пишет:

«Фадо по-португальски значит судьба. Но прежде всего это слово означает меланхолическую песню, родившуюся в XIX веке в рабочих переулках Лиссабона и воспевающую печаль по безвозвратно утраченному. Это ощущение тоски по прошлому португальцы называют „саудаде“, и песню еще сегодня можно услышать под аккомпанемент испанской и португальской,

десяти- или 12-струнной гитары. Фадó — это португальский вариант блюза, исполняет его, как пишет Стасюк, „голос певицы, полный напряженной печали». В новой книге Анджея Стасюка фадó появляется только раз, мимолетно, почти случайно, но атмосфера этой песни пронизывает все содержащиеся в книге тексты. Ибо герой этого небольшого сборника — человеческая судьба, переживаемая с одной-единственной точки зрения: с точки зрения Анджея Стасюка.

„Я хорошо устроился в собственной судьбе, потому что вижу в ней непрерывность», — пишет Стасюк. Но пишет он и другое: „Из этого состоит жизнь, когда мы пытаемся представить ее себе как некоторое целое, — из разорванных отрывков, которые запали в память. Их не соединяет никакая логика, никакой смысл, кроме того, что случились они со мной». Об этом — то и написана книга: о том, что все в нашей жизни случается только с нами. (...)

Небытие у Стасюка! В современной польской литературе мало кто мерится с ним силами, потому что сегодня мало писателей по-настоящему метафизических. (...) Уже много лет Стасюк стремится преодолеть нигилизм, который всегда устраивает засаду там, где отчаявшийся человек задает себе вопрос: „Почему ничего больше, чем чего-то?» В „Бабадаге» он писал о своей „влюбленности в распад», об отклеивании слов от мира, о „прекрасном небытии», которое порой лишь ищет свою форму в видимом мире. В „Фадó» точка зрения меняется радикально. Разумеется, и здесь появляется небытие (иначе и быть не может), однако на этот раз писатель ничего о нем не говорит — он говорит о его преодолении. Когда все то, что отжило, „постепенно обращается в ничто», единственное спасение — память и воображение. Так и происходит у Стасюка. (...)

Откуда эта похвала памяти? Откуда похвала воображению, такая анахроничная сегодня, когда писатели задумываются только над тем, какой бы сколотить репортаж о действительности или как совершенно по особому соединить глагол с дополнением? Ответ ясен: из метафизической одержимости, которая велит заполнять пустоту формами, фигурами, вещами, перенося ее тем самым в вечную длительность. (...) То, что есть, ненадежно и слишком хрупко, чтобы дать гарантию прочного существования. То, что запомнилось, имеет возможность выжить и стать частицей единичной судьбы.

Стасюк вовсе не, как когда-то говорили, „литературный натурщик», который берет действительность за горло и

швыряет ее на бумагу. Зато он великий апологет посредничества, оберегающего от слишком опасной действительности. Именно поэтому он такой защитник воображения. Быть может, самый крупный в современной польской литературе».

На мой взгляд краковский критик немного заговорился: он совершенно явно хочет ограничить литературу только прозой, а это в высшей степени несправедливо. В поэзии тоже хватает защиты воображения. И, думаю, в отношении поэзии тоже имеют силу слова Марковского, сказанные о прозе Стасюка:

«Это прежде всего мир, творящийся вне вездесущего обмена, мир, в котором мы можем найти себя и получить в собственность вещи и пространство. (...) Вроде бы это банально, но о такой банальности не следует забывать, ибо за ней стоит отдельный человек. Стасюк как раз и напоминает нам неустанно о такой не подлежащей обмену единичности, о том, что существует мир за пределами экономики, мир „чудесного транжирства“, „бескорыстной траты“. Тот мир, который нельзя обменять ни на что, — это еще и мир непредсказуемый, не написанный по сценарию, ход которого легко предугадать. (...)

Стасюк — метафизик, который (...) вообще не хочет принимать во внимание тот факт, что настала современность. Веря в воображение, он в то же время ясно говорит: мир существует, и воображение — только инструмент, благодаря которому он может продолжать существовать даже тогда, когда его уже нет. Да, Стасюк анахроничен, нет сомнения, но стоит спросить: а метафизика как таковая случайно не анахронична? Разумеется, да, и анахроничны были великие метафизики польской литературы — Лесьмян, Шульц, Виткаций. Анахроничен, но по-своему, был и Бялошевский, анахроничен был Ват. Стасюк принадлежит к самым анахроничным писателям среднего поколения — может быть, он из них самый анахроничный, что следует расценивать как похвалу. Литература, которая спешит идти в ногу со временем, не может быть хорошей литературой».

Это относится не только к литературе. О столкновении так понимаемой анахроничности с «современностью» и «модернизмом» говорится в статье Моники Куц «Непокорные идут своим путем», напечатанной в газете «Жечпосполита» (2006, №211) и посвященной искусству фотографа Адама Буяка:

«— Коллеги по Академии [художеств] и Союзу фотографов в Кракове смеялись надо мной, — рассказывает Адам Буяк. — Мы

тут, насмехались они, занимаемся современной, творческой фотографией — девушки, обнаженная натура, а сумасшедший Буяк за какими-то набожными бабами и пустынниками по святым местам бегают... Кому это нужно?

Оказалось, что это было и осталось нужно миру, который теряет метафизические точки отсчета. Потому-то Буяк трудится, познавая тайны мистерий:

— Религиозные зрелища, посвященные Страстям Господним, я снимаю со времен своей молодости. В Кальварии-Зебжидовской, в Италии, Испании, Иерусалиме... В Торонто я был свидетелем мистерии посреди небоскребов. Через огромный современный город, в котором полностью прекратилось автомобильное движение, шла неисчислимая толпа — тысячи молодых людей, так как это было во время Всемирных дней молодежи с участием Иоанна Павла II в 2002 году. Тишина звучала в ушах».

Это тишина одиночества и встречи, и Моника Куц продолжает:

«Одни, желая приблизиться к Богу, нуждаются в богатстве религиозного театра или участия в массовых паломничествах. Другие предпочитают общаться с Ним в одиночестве. Буяку одинокий путь созидания духовности, может быть, даже ближе. Он много раз посещал скиты отшельников и закрытые для посторонних монастыри. (...) Четыре года он работал над альбомом „Тайны камальдулов», посвященным жизни краковских „белых братьев» из обители Серебряной Горы на Беянах. (...) Для альбома „Сокровища монастырей» он делал фотографии в нескольких краковских женских монастырях, закрытых для посторонних. (...) Молитва и созерцание — вот смысл призвания монашества, но монахи обязаны еще и заработать на жизнь. На снимках Буяка можно увидеть длиннобородого брата Херубина на тракторе, сестер-монахинь — на телеге, запряженной осликом, или пекущими хлеб в средневековой печи. В 70-е годы Буяк неоднократно побывал на святой горе Афон, куда нужно получать специальный пропуск от монашеской общины. Но он до сих пор не выпустил альбома из сделанных там снимков. (...)

Буяк еще в брежневские времена очень хотел документировать жизнь православной Церкви в России. Прилагал старания получить разрешение из Москвы. В конце концов Збигнев Подгужец, переводчик Достоевского, который ему помогал, посоветовал ему не питать иллюзий: его имя зарегистрировали в КГБ, и стоит ему пересечь границу, как он будет арестован по обвинению в религиозной пропаганде. В 1988 г., когда

праздновалось тысячелетие Крещения Руси, уже шла перестройка, и на этот раз Буяку удалось получить аккредитацию. Он поехал в Москву на юбилейные торжества в Даниловском монастыре. Там фотограф познакомился со всеми иерархами Русской Православной Церкви, и эти контакты открыли двери его новым поездкам. За четыре года, начиная с 1992-го, он побывал в России несколько десятков раз. Проехал 60 тысяч километров, добираясь до самых отдаленных уголков страны. В Омск он полетел самолетом, хотя в аэропортах люди кочевали по две недели, чтоб попасть на рейс. (...) По Иртышу Буяк плыл вместе с паломниками на корабле, на борту которого везли икону Божией Матери Абласской в новооткрываемый Софийский собор в Тобольске. Фотографировал он и внесение иконы в собор. Внутри собора все было в развалинах, иконостас порублен топорами. Когда чудотворную икону поставили посреди этих руин, владыка Феодосий упал перед ней, рыдая.

Многие советские лагеря помещались в бывших монастырях. В Даниловском в Москве был детприемник. То же самое — в Валаамском на Ладожском озере, который некогда считался земным раем, вторым Афоном. В Оптиной пустыни с осени 1939-го держали польских офицеров, и оттуда их увозили в Катынь на расстрел. Когда СССР начал приближаться к распаду, эти места начали отдавать Церкви.

Буяк видел возрождавшиеся храмы и собиравшихся туда людей. Одним из самых необычных проявлений этого религиозного возрождения были церкви, высеченные верующими изо льда на Иртыше. Когда лед трогался, они дрейфовали по реке и таяли. (...)

Когда Буяк приехал на Соловки, монастырь только что вернули Церкви; еще оставались глазки в дверях бывших камер. Интерьеры были полностью разрушены, но издали монастырь — величиной с замок в Мальборке — выглядел нетронутым.

В Омск Буяк ехал с особым волнением. Его мать была сибирячка — она родилась в землянке в Омске в 1918 году. Ее семье удалось бежать оттуда в начале 1920-х и вернуться в Польшу. Буяк поехал посмотреть отстраивающийся собор в колонии №8 — бывшем лагере недалеко от границы с Казахстаном. (...)

Все, что Буяк увидел, он показал в альбоме „Русь. Тысяча лет христианства». В России альбом так и не дождался издания».

Но это, разумеется, не единственный из путей, по которым ходил польский фотограф:

«В Японию Буяк поехал в 1996 г. по приглашению французского Национального центра фотографии. В то время как других европейских фотографов увлекали в Японии новейшие технологии и жизнь кварталов XXI века, Буяк странствовал по храмам и предназначенным для созерцания садам дзен. Из этих снимков возник альбом „Очарованные Японией», к которому Анджей Вайда присоединил свои японские рисунки, Чеслав Милош — переводы хокку, а Вислава Шимборская — стихотворение „Люди на мосту», написанное под впечатлением гравюры на дереве Хиросиге Утагавы.

— Я был в буддийских, синтоистских и католических храмах, — вспоминает Буяк. — В церквях сидела неподвижная толпа с руками на коленях, в какой-то созерцательной сосредоточенности. А в буддийские и синтоистские храмы люди не ходят все вместе — только поодиночке... В той культуре всё смешивается, но в силу этого легче почувствовать, что Бог один. Может, это прозвучит странно, но фотография ради фотографии меня не интересует. Она лишь довесок к моей жизни. Настолько важный, что открыла мне путь. Благодаря этому я мог объехать целый свет и так много увидеть. И в этом мое богатство, которое позволяет мне ответить на множество жизненно важных вопросов».

Если призадуматься, то ясно видно, как в творчестве Стасюка и Буяка соединяются два мотива: первый — та самая «анахроничность», о которой говорит Марковский; второй — «метафизическая одержимость», обретение метафизического аспекта человеческой судьбы — судьбы единичного, неповторимого человека. Мир существует в стольких вариантах, сколько есть переживающих его людей. Поэтому, вероятно, прав Марковский, утверждая:

«Если все-таки одиночество лишает нас самих себя, осуждая на отсутствие других, — тогда оно разрушительно. Одиночество, поддержанное воображением, становится творческим. Одиночество без памяти — это смертный приговор. Последняя книга Стасюка распята между двумя полюсами одиночества. Между счастливым детством и тревожной зрелостью. (...) В „Фадо» Стасюк принимается отчетливо и откровенно говорить: трудно человеку после сорока лет поклоняться небытию как таковому. Однако трудно и отвернуться от него, делая вид, что его не существует. Поэтому нужно все время писать одну и ту же похвалу воображению, одну и ту же апологию памяти, ибо судьба человека такова же, как и судьба писателя. Эта судьба — заклинать безжалостный рок, печально петь фадо».

Откровенность позволяет избегать фальши — ибо откровенность не то же самое, что правда.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• «Политикой сегодня занимаются в Сейме и на телеканале ТВН-24. Раз у Сейма сейчас каникулы, то политикам остается только ТВН-24. Куда бы они делись, если бы пять лет назад не появился этот канал?» — пишет Ярослав Муравский в очерке, посвященном польскому информационному телеканалу. Этот телеканал, отмечающий как раз свой пятый день рождения, стал сегодня важнейшим средством массовой информации, формирующим общественное мнение в области политики. Несмотря на то что его аудитория составляет лишь около 2%, это как раз те зрители, которые вызывают зависть любого конкурента, — это активный средний класс, самый динамичный и заинтересованный в развитии страны. Когда в 2001 г. Мариуш Вальтер, глава группы ИТИ, владельца частного телеканала ТВН, приступил к осуществлению проекта информационного телеканала, вещающего круглые сутки, немногие аналитики рынка СМИ верили в успех этого дела. Всего лишь месяц спустя после открытия канала угнанные террористами самолеты врезались в башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке... «Может быть, это прозвучит цинично, — говорит Анджей Зарембский (в то время секретарь Всепольского совета по телевидению и радиовещанию), — но им с этим 11 сентября здорово повезло». ТВН-24 привлекает все больше и больше известных личностей, и, наверное, уже нет ни одного политика, который не хотел бы появиться у них на экране...

• «Обычное телевидение рано или поздно перестанет существовать, — говорит Камиль Пшеленцкий, глава фирмы, занимающейся дистрибуцией фильмов в Интернете, — поэтому нам надо искать клиентов по-новому. Для начала в интернет-прокате „Нетино» можно будет найти несколько десятков художественных фильмов, в том числе и польских». Но ассортимент предлагаемых товаров будет расширяться, а сами организаторы хотят пустить в прокат еще и образовательные материалы. Да и у конкурентов зубы становятся всё острее».

• «Центр положительных СМИ» — так планируется назвать учреждение, которое, согласно внесенному в Сейм

законопроекту о добрых нравах СМИ, должно оценивать, какой кинофильм, какая газета и т.п. грешат против добрых нравов или страдают чрезмерной жестокостью. Своим контролем он охватит и игры в Интернете, и, разумеется, телепередачи.

- «О том, кого можно называть настоящим поляком, будет решать не кто попало. Это понятие связано с патриотизмом, а патриотизм — это не только развевающиеся флаги и звуки национального гимна. Это и повседневное честное отношение к своим близким, к остальному обществу, тактичное и деликатное отношение к недостаткам других людей. Патриот не падает духом от возможных неудач и постоянно надеется на лучшее», — сказал в интервью газете «Жечпосполита» Густав Холоубек, один из самых известных польских актеров театра и кино, директор варшавского театра «Атенеум».

- «Превосходно сыгранная камерная семейная драма. Действие происходит в гнетущей атмосфере клаустрофобии, которая царит в маленькой квартире в центре Варшавы. В кинофильме „Площадь Спасителя» похвалы заслуживает буквально всё: и дышащие подлинностью диалоги, и психологическая достоверность, и до мелочей продуманные постановочные задачи, и, наконец, замечательный актерский состав. Не говоря уже о смелом намерении замахнуться на одно из важнейших польских табу — на семью», — пишет Магдалена Садовская о новом фильме Кшиштофа и Йоанны Краузе («Долг», «Мой Никифор»). «Из этого сюжета, — написал Тадеуш Соболевский, — можно было сделать трогательную, слезливую мелодраму, после которой мы могли бы без особого труда почувствовать, что мы-то лучше, умнее, нравственнее. Или же, скажем, фильм-обвинение о трудном старте молодых, о нездоровой атмосфере в обществе, мышинной возне, безработице и коррупции... Но в фильме „Площадь Спасителя» у нас по одну сторону — детерминизм причин и следствий, неизбежные последствия событий, а по другую — свобода. Всегда существующая возможность быть свободным, остановить поток зла, повернуть его вспять».

- Жюри литературной премии «Нике» выбрало семь книг, одна из которых будет лауреатом нынешнего года. В числе этих семи — два сборника стихотворений и пять романов. В области поэзии это «Двоеточие», новая книга лауреата Нобелевской премии Виславы Шимборской, о которой Рышард Матушевский писал: «Двоеточие — это просто знак препинания, говорящий о том, что далее что-то последует. (...) И хотя мы блуждаем среди вопросительных знаков, ничто не кончается, всё продолжается в ожидании: а вдруг мы узнаем нечто сверх того,

что уже знаем. (...) В ожидании без всякой уверенности, что узнаем всё, скорее с надеждой, что какая-то частица знаний о мире будет нам дарована». Автор книги стихов «Эта туча возвращается» — Петр Матывецкий. О его поэзии Малгожата Барановская написала так: «Говорят, что это городская поэзия. Матывецкий лучше чувствует себя в застроенном пространстве — ограниченном четкой формой, созданной руками человека. (...) Но поэту не чуждо и верное земле небо, и солнце, создающее пространство, и туча, которую никто не замечает. (...) ...во всем чувствуется меланхолическое, печальное ощущение утраты. Это ощущение вроде бы относится к городу и его трагическому прошлому, но в действительности — просто к жизни». О «Павлине королевы», произведении, которое по замыслу должно напоминать рэп, говорит его автор Дорота Масловская: «Поп-культура — это целый мир, параллельный настоящему, где всё упрощено и сокращено, где в программе телепередачи можно прочесть сжатое изложение кинофильма „Гамлет“. Я сама пережила такое сжатие (...) и уж, пожалуйста, не говорите мне, что этот опыт ничего не стоит». В романе «Все языки мира» Збигнев Менцель «красочно описывает реалии ПНР... Этот роман — записки о времени взросления (...) а также трактат о слове, языке и возможностях выразить самые важные мысли и вопросы». «Условие» Эустахия Рыльского — это «классический роман в костюмах наполеоновских времен, фоном которому служит поражение Наполеона в 1812 году, — пишет Марек Радзивон. — Тут есть все атрибуты эффектного романа... Но Рыльский предлагает картину истории, полемизирующую с классическим представлением о героических уланах». О книге Мариуша Вилька «Волок» писал Пшемислав Чаплинский: «Вильк хочет нас убедить в том, что Россия — не монолит, что в ее истории есть такие традиции, к которым и мы могли бы обратиться, и что понять русского человека трудно, но не невозможно». Автор уже многие годы живет на севере России и культуре этих мест посвящает свои лирические отступления, которые он формулирует с помощью довольно странных конструкций искусственного языка. И, наконец, «Любево» Михала Витковского — своеобразный реверанс жюри в сторону нетрадиционного поведения, а само по себе произведение — «довольно неоднозначное и весьма неожиданное описание мира гомосексуалистов».

• А новейшие бестселлеры, кажется, всё еще пребывают в летней ауре — здесь на первом месте оказался сборник «Рассказы по-летнему теплые и даже горячие», куда вошли двадцать произведений известных польских писателей, которые пишут о «чувствах деликатно и беспощадно, нежно и цинично». В первую десятку попал и другой сборник:

«Пикантности. Любовные рассказы», или, как пишет Анджей Ростоцкий, «эротические истории, описанные столь многочисленными перьями, да еще какими. (...) Любовь и вожделение — всегда благодатная тема для писателей, ибо что касается этой материи, то у большинства из них имеется некоторый опыт». Радует, что в категории документальной литературы присутствует последний сборник эссе Станислава Лема «Порода хищников. Последние тексты». Добавим лишь, что на первом месте по итогам полугодия оказалась Йоанна Хмелевская с ее последним романом «Бледная спирохета».

- «Фестунг Бреслау» — так называется очередной, последний в цикле вроцлавских детективов роман Марека Краевского. Его герой — помощник детектива Эберхард Мокк, который «на этот раз расследует в 1945 г. во Вроцлаве загадочную историю изнасилованной со смертельным исходом молодой немки, — пишет Яцек Щерба. — Кто-то может задать вопрос, стоит ли заниматься одним трупом, если каждый миг их возникает вокруг значительно больше? Однако Мокк видит в этом смысл, он подходит к делу честно, защищая этический порядок». А сам автор так говорит о причинах своего интереса к Вроцлаву того времени: «Речь шла скорее о том, чтобы преодолеть табу, которое долгие годы было связано с немецкой историей Вроцлава. Из тех книг, что я читал в юности, следовало, что это всего лишь небольшой эпизод в истории города. Я ощущал хаос в восприятии окружающего мира: во время прогулок с отцом я везде видел следы немецкого Вроцлава».

- В этом году исполнилось 50 лет Международному фестивалю джазовой музыки в Сопоте, положившему начало двум мероприятиям — варшавскому «Jazz Jamboree» и Международному фестивалю песни в Сопоте. И хотя за прошедшие полвека сопотский фестиваль пережил много перемен, а в нынешнем году состоялся «Сопот-Фестиваль» с Элтоном Джоном в роли главной звезды, тем не менее стоит напомнить, как это всё начиналось. «Джаз, — пишет Павел Ивицкий, — должен был служить тем клапаном, через который можно было выпускать пар, создавая видимость демократии в области легкой музыки... Тысячные аудитории, парад джазменов — это было своеобразной демонстрацией неприятия музыки, звучавшей в официальном радиоэфире, и вместе с тем это был апофеоз свободы. (...) Замечательные концерты секстета Комеды, Курылевича, Тшасковского, Милиана, „Меломанов» принесли фестивалю успех и с художественной точки зрения». Праздник джаза («Jazz Jamboree») впоследствии перенесли в Варшаву, а Сопот со временем стал местом проведения концертов, где с триумфом

принимались шлягеры, презируемые участниками первых встреч. Сегодня от той бунтарской атмосферы в Сопоте мало что осталось, разве что счесть знаком протеста выступление со сцены Элтона Джона в защиту якобы унижаемых польскими властями гомосексуалистов.

- «Замечательная идея, — пишет Дорота Ярецкая в рецензии на выставку «В Польше, то есть где?», открывшуюся в Центре современного искусства, — дать определение Польше не с помощью портрета или карикатуры на поляка, но отображая то, как поляк видит и как он называет увиденное вокруг себя». Эта выставка завершает цикл экспозиций, посвященных новейшему польскому искусству и проходивших в ЦСИ в течение целого года. «Ответы на поставленный в заголовке вопрос, — пишет далее Ярецкая, — весьма различны, и находятся они в диапазоне от малого реализма до великой мечты».

- Знаменитая выставка фотографий польских евреев, объехав за десять лет весь мир, вернулась в варшавскую галерею искусств «Захента». Ее вернисаж положил начало фестивалю «Варшава Зингера», организованному фондом «Шалом». «Мы хотели воссоздать атмосферу довоенной Варшавы, чтобы в этот период на улицах столицы царил иной ритм», — говорила Голда Тенцер, инициатор фестиваля. Программа этого фестиваля включает также выступления выдающихся музыкантов, художественные проекты, клезмерские концерты, общие гуляния и... совместное угощение. И всё это будет происходить на Пружной, с надеждой на то, что в этот квартал можно будет действительно снова вдохнуть жизнь, о чем говорится вот уже много лет, но, пожалуй, только теперь, с приходом два года назад фестиваля Зингера дело сдвинулось с мертвой точки.

- «Орлы» Карского — премию, учрежденную в честь курьера из Варшавы, который во время II Мировой войны представил Западу правду об уничтожении польских евреев, — получили Адам Михник за то, что он «делает Польшу лучше», а также Абрахам Х. Фоксман, директор Антидиффамационной лиги, за «несгибаемую волю в борьбе против диффамации и смелость, с которой он говорит ненависти: „Никогда больше»».

- Пятый Фестиваль четырех культур, который уже стал неотъемлемой частью пейзажа многокультурной Лодзи, привлек в этот единственный в своем роде польский город многих интересных мастеров. В этом году фестиваль был посвящен культуре России — зрители получили возможность увидеть давно уже не бывавший в Польше Театр на Таганке,

который привез спектакль «Высоцкий», услышать сочинения Софьи Губайдулиной в исполнении оркестра «Ауксо» и посмотреть русское и советское немое кино, в том числе «Стачку» Сергея Эйзенштейна.

- К сожалению, обещанные министерством образования дешевые учебники не попали на организованную перед началом нового учебного года Ярмарку образовательной книги. Но зато все, кто хотел, могли посетить конкурировавшее с этой ярмаркой мероприятие — организованный «Мобильной академией» «Черный рынок полезных знаний и невежества», на котором можно было узнать про духов, вампиров, призраков и про места их обитания, а также о других нетрадиционных способах отношения к действительности. Билет на ярмарку стоил всего один злотый.

- «Я сожалею (...) благодарю за доверие» — написал в письме жителям Гданьска почетный гражданин этого города, родившийся здесь немецкий писатель Гюнтер Грасс в ответ на письмо городских депутатов, написанное после того, как лауреат Нобелевской премии признался, что служил — таки в «Ваффен-СС». «Прочитав слова Грасса, я испытал удовлетворение, — отметил бывший президент Польши Лех Валенса. — Признаюсь, у меня было подозрение, что он пытается использовать эту историю, чтобы сделать рекламу своей книге. Однако я понял, что его признание (...) — это исповедь. (...) Я его прощаю. Я довольно резко нападал на него за прошлое, но сейчас важнее то, чем он руководствуется теперь».

ПОЛЬСКО-РУССКОЕ КИНО ЭМОЦИЙ

Беседа с Кшиштофом Копчинским, продюсером кинофильмов,

снятых в рамках проекта «Польша—Россия: новый взгляд»

— Начнем со слов Кшиштофа Кеслёвского, поставленных эпиграфом к проекту: «Замысел берется из всего, с чем мы соприкоснулись в жизни».

— Два года назад мы («Эрика Медиа») сняли для польского телевидения и телевидения «Арте» фильмы «Варшава — взгляд с Востока» Дмитрия Кабакова и «Моя Варшава» Марии Змаж-Кочанович. Эти два фильма были включены в тематический вечер, транслировавшийся по каналу «Арте» сразу после вступления Польши в Евросоюз. Позже мы устроили просмотр, пригласили Матеуша Вернера из Института им. Адама Мицкевича, и он, посмотрев, сказал, что задумал некий проект в рамках «Сезона России в Польше и Польши в России»: провести творческие мастерские, в результате которых польские студенты снимут фильм в России, а русские — в Польше. Институт решил финансировать эти мастерские, и благодаря этому несколько молодых выпускников сняли свои первые картины — впрочем, называть их «молодыми» довольно спорно.

— По каким критериям отбирали режиссеров и их художественных опекунов?

— Мы пользовались советами вузовских преподавателей — в данном случае Силезского университета, из которого с нами тесно сотрудничал кинодокументалист Анджей Фидык. От Мастерской школы кинорежиссуры Анджея Вайды с нами сотрудничал Матеуш Вернер, который выбрал кандидатов, пользуясь советами Войцеха Марчевского. Мы руководствовались тем, что уже сделал студент — каждый должен был показать образцы своей работы, — а кроме того тем, как он представил свой проект и как его охарактеризовали преподаватели. Русские студенты были к нам направлены из ВГИКа и Санкт-Петербургского университета кино и телевидения. А московские Высшие курсы документальной режиссуры представили слишком большое число кандидатур,

поэтому я посмотрел их работы, побеседовал с ними и выбрал двух девушек.

Режиссерам была дана полная свобода, темы были их собственные.

— *Но ими каким-то образом руководили, им помогали?*

— Да. Все это было включено в рамки трех мастерских, между занятиями в мастерских им тоже, разумеется, пришлось работать: собирали документацию, писали сценарии, консультировались — прежде всего с нами, но и с преподавателями тоже, как с поляками, так и с русскими.

— *Как вы думаете, есть ли надежда, что эти фильмы, показанные 9 марта в варшавском кинотеатре «Культура», на международных фестивалях, в том числе на Краковском, пробьются на экран Польского телевидения?*

— Они уже были показаны по ТВ «Культура», которое действует в рамках ТВП. Это первый тематический канал, создать который решилось Польское телевидение. А шесть фильмов будут показаны по первой программе.

— *Какие фильмы были выбраны для передачи?*

— Их выбирали на основе сценариев, Первая программа сама выбрала «Sacrum», «Электричку», «Семена», «7 раз Москва», «Загуж — конечная станция».

— *А как прошел вечер 9 марта в кинотеатре «Культура»? Какая собралась публика? Как она реагировала?*

— Очень хорошо, публика была довольна, зал переполнен, многим не хватило мест. Так было с самого начала, хотя просмотр начался в полчетвертого. В это время в кино никто не ходит, залы стоят пустые.

— *Зрители хотели говорить об этих фильмах, были ими взволнованы? Думаете ли вы, что эти фильмы могут положить начало дискуссии?*

— Говорить всегда кто-нибудь хочет. Я разговаривал с разными людьми — и в Польше, и в России. И со студентами из других стран — Португалии, Англии, азиатских стран. Войцех Касперский, который был на фестивале в Беверли-Хиллз, разговаривал с американцами, а кроме того был на конференции на Тайване. Там собрались люди с общественного телевидения со всех концов мира, и редакторы потребовали

дополнительного просмотра «Семян», так как на первом просмотре фильм стал сенсацией. Этот фильм пользовался самым большим успехом среди представителей всех крупнейших общественных телекомпаний мира. Для студента это особое отличие. Разговаривал я и с людьми на фестивале в Бельгии, где дал интервью российскому телевидению и встретился с очень живым откликом публики. В Москве мы показывали «Семена» дважды, а остальные фильмы — по одному разу. Второй раз «Семена» шли в прошлом году в Доме кино, на просмотре документальных фильмов стран ЕС в Москве. Мы дали на этот просмотр «Семена» и картину Мацея Дрыгаса «Один день в ПНР» — и после сеансов опять-таки прошла интересная дискуссия, что нас тоже радует.

— Из того, что я прочитала, видно, что главной целью проекта было анализировать отношения между Россией и Польшей, поляками и русскими и понять, как действуют мифы, механизмы стереотипов, как работает мысль над представлениями о соседе. А вышло, мне кажется, глубоко личное кино, по сути дело изъятное из истории.

— Думаю, что этих людей коммунизм не волнует. Анализируя этот опыт, могу сказать, что они создали особый язык общения. Русские не знали польского, а поляки — русского. Попробовали объясняться друг с другом по-английски, но оказалось, что почти никто из них по-английски толком не говорит. Есть, конечно, исключения. Войцех Касперский хорошо говорит по-английски, но по-русски не говорит. Каролина Белявская — то же самое. То есть некоторые говорят, но английский не стал языком общения. А как-то объясняться надо было. Через некоторое время они создали свой польско-русский язык. Поляки говорили по-польски, прибавляя немножко русского, а русские утверждали, что по-польски все понимают. Это важно, потому что съемочная площадка — место особое, тут надо со всеми тонкостями понимать друг друга, иначе можно упустить случай что-то снять. Вот и пришлось им договариваться ради сотрудничества. Но не думаю, что их интересует политика, а если даже — то в малой степени.

— Разговаривали ли они как-то о своих картинах, объясняли, обсуждали их?

— О картинах, о жизни, о кино вообще. Они интересуются кино в целом, это их профессия, и они обсуждали это, как умели. Я бы тут не переоценивал интеллектуальный фактор, это скорее было кино эмоций. Трудно было бы доискиваться здесь каких-то глубоких знаний.

— В таком случае что нового говорят эти картины о Польше и России?

— У нас, пожалуй, не было погони за новизной — была попытка открыть что-то такое, что другие, может быть, уже давно открыли, или переоткрыть. Думаю, что в мире уже давно все открыто, так что если у кого-нибудь такого рода амбиции, то это не всегда выглядит порядочно. Но для самих участников проекта это было открытием: никто из поляков раньше не был в России, а из русских в Польше — разве что проездом, а это не дает знания страны. Они открывали обычаи, открывали место работы. Все они испытывали сильную потребность узнать побольше о другой стране, вообще о мире, потому что, например, фильм «Семена» — не о России, это общечеловеческий документ. Эта история могла случиться где угодно. А вот «Электричка» — больше о России, картина, выдержанная в литературных традициях: Ерофеев, Солженицын... Но ни у кого не было систематизированных знаний о стране, о которой им пришлось рассказывать. Теперь мы начали второй цикл проекта и попросили Адама Поморского, чтобы он на открытии прочел вступительную лекцию о польско-русских культурных отношениях в XX веке. Это был очень сильный импульс, но в работе он нам не очень помог. Это не их область.

Открытия, как мне казалось, состояли также в том, чтобы сказать русским что-то новое о России — у русских уже было несколько таких фильмов. Один из них, «Электричка», — называется так же, как наш, — был снят в России несколько лет назад. Но нам хотелось, чтобы о России рассказал человек из-за границы. Человек, свежесть взгляда которого состоит в том, что он пришел из другого пространства. Пространства не в самом простом понимании, но еще и в метафизическом.

Все эти фильмы многим обязаны замечательным преподавателям. В них внесли свой вклад выдающиеся кинодокументалисты. Например, преподаватель документального кино и режиссуры ВГИКа и Высших курсов Владимир Фенченко. Он стал предметом поклонения, в Варшаве все его знают, так же как много лет назад, когда все знали, что он друг Занусси. Его очень высоко ценил Кеслёвский — да и трудно его не ценить, — но теперь он оказал огромное влияние на то, что снимали наши студенты.

— Меня поразило, что эти фильмы вступают между собой в диалог — как те, что делали русские о Польше, так и те, что снимали поляки о России. «Электричка» — с «Моим Кеслёвским», то же самое и «Загуж — конечная станция». Это мне особенно

понравилось, это придавало фильмам более человечный и общечеловеческий характер... А что вы можете рассказать о втором цикле проекта? В нем участвуют те же самые люди? Когда мы увидим какие-то результаты?

— Мы сражаемся с материалом. Пока что у нас 15 студентов. Теперь нам легче, потому что успех первого набора облегчил старт второго. Легче достать деньги, обеспечить себе сотрудничество разных учреждений, которые могут помочь в выпуске фильмов. Все готовы помогать.

— *И в Польше?*

— Да, и в Польше.

— *То есть первый цикл проекта помог как-то консолидировать среду польских кинематографистов?*

— Не стал бы преувеличивать. Я, собственно, мало что знаю о среде польских кинематографистов, мы действуем как бы на обочине, но мы уже получили финансирование из Института им. Адама Мицкевича, получили киностудию — это для нас очень много значит. Наша работа была весьма рискованной, из этого могло ничего не выйти. Благодаря упорству коллег, а особенно вследствие эффективных действий института, прекрасного партнера, в первый раз все прошло успешно.

— *А что делают польские участники первого цикла проекта? Получили они какие-то предложения работы или сосредоточились на том, чтобы идти своим путем? Примут ли они участие во втором цикле?*

— Нет, мы решили набирать во второй раз тех, кто не участвовал в первом проекте. Но есть одно исключение — Мартин Сацер: в прошлый раз он был оператором картины «Электричка», а теперь будет режиссером. Не знаю, может, еще прибавится оператор — пока мы не говорим об самих съемках, мы на этапе сбора документации.

— *Открыл ли дорогу авторам фильмов успех первой части проекта?*

— Думаю, да. Некоторые были известны еще до работы с нами: Мацей Цуске, Петр Стасик, но, например, Войцех Касперский — нет. Получают ли они предложения? Не знаю, ничего не могу сказать. Но у них заведомо есть свои планы, которые они пробуют осуществить. Проект помог в том смысле, что, во-первых, они стали известнее, а во-вторых, научились работать

в коллективе, научились работать с преподавателями — как нашими польскими, так и иностранными.

— А какой из фильмов произвел на вас лично самое большое впечатление?

— На этот вопрос я не отвечу, это дело крайне личное. Не знаю, сумел бы я указать... Я испытывал глубокое уважение ко многим режиссерам, которые работали тяжело и упорно, что с их старшими коллегами редко случается. Работали они в очень тяжелых условиях. Войцех Касперский с Шимоном Ленковским месяц провели на Алтае. Это была нелегкая экспедиция, она могла плохо кончиться. Я разговаривал с Ленковским через неделю после их возвращения, и он сказал мне, что всю эту неделю думал, как так случилось, что им удалось вернуться. Они поехали снимать незаурядный фильм.

— А получили ли русские режиссеры какие-то предложения после успеха проекта?

— Этого я, к сожалению, не знаю. Но знаю, например, что картину Алены Полуниной «Sacrum» показывали на фестивале в Лагове. Взяли ее и на фестиваль «Новые горизонты» во Вроцлаве, а также фильм о Загуже. Фестиваль в Лагове пригласил Алену, приехал Владимир Фенченко, был Кабаков — создаются какие-то связи, очень крепкие. И все-таки... Московский Дом кино, где мы устроили премьеру, собрал четыреста зрителей. Это в России на показе документальных фильмов, да еще и студенческих, бывает редко.

— После второй части проекта вы планируете его продолжать?

— Не знаю, посмотрим, как она пройдет. Не знаю, будем ли проводить третью. Был еще — вы наверное слышали — подобный польско-немецкий проект, назывался «Reflections», идея принадлежала Анджею Вайде, только принцип был другой: немцы снимали фильмы о Германии, поляки — о Польше.

Беседу вела Александра Вейна

Кшиштоф Кончинский — кинопродюсер и сценарист, владелец фирмы «Эрика Медиа», член объединения «Новые горизонты», Всепольской палаты аудиовизуальных продюсеров, «European Documentary Network», председатель международного объединения «Будущее СМИ». Преподает в Варшавском университете литературу, кино и СМИ. Автор трех книг и более сорока статей

на темы польской культуры XIX века и современной, а также СМИ. Снял около ста документальных фильмов и телепередач, ставя в центр внимания польскую культуру (съемки в Западной Европе, России, Индии, Афганистане и США).

ГЛАЗОМ КАМЕРЫ ГЛЯДЯ ДРУГ НА ДРУГА

Хотя молодые кинематографисты были свободны в выборе темы, они остались внутри трех категорий: места («7 раз Москва», «Загуж — конечная станция», «Белинского, 6», «Следы»), люди («Мой Кеслёвский», «Московская жена», «О правде») и метафизика («Sacrum», «Семена», «Электричка»). И что поражает: ни один из этих документальных фильмов не останавливается в своей категории — одна плавно перетекает в другую, чтобы преобразоваться в третью и вернуться к первой.

Десять картин, десять разных взглядов. Каролина Белявская в «Белинского, 6» предложила портрет жителей петербургской коммуналки. Герои разного возраста и профессий: 26 летний Владимир, бизнесмен, который начинает день упражнениями на кустарных силовых снарядах, зато в окружении фирменных шмоток — «Нике», «Адидас», «Дизель»; 24 летний Дмитрий и его 19 летняя жена Радия; Виктор, петербургский поэт и композитор; Паша, который хочет потрясти мир искусством; Ольга, эмоциональная художница, временно работает в общепите. Вместе они составляют красочную коммуну людей, которые не ждут пассивно лучшего будущего. Владимир занимается каким-то неопределенным бизнесом, представляет собой тип современного российского второразрядного «мачо»: мобильник, кожа и ботинки с задранными носами. Когда его спрашивают, чего он хочет, отвечает: чтобы фирма развивалась. Он постоянно в движении, а на вопрос, что хотел бы делать в жизни, отвечает, что это глупый вопрос; на вопрос же о мечте отвечает красноречивым молчанием.

Чутким глазом камеры вглядывается режиссер в молодую семью Дмитрия и Ради. Они производят впечатление изъятых из времени: время проводят, играя в карты, движутся в ритме русского техно, переключают телевизор с программы на программу. На вопрос, чего она желает, Радия отвечает: чтобы муж был счастлив. Есть некоторая дихотомия в этом утверждении: с одной стороны, оно комично — для нас, циников XXI века; с другой — дышит глубокой простотой чувства. Когда Радия мягко просит Дмитрия пойти на работу, он откликается смехом и словами: «Ты что, с ума сошла?! Я —

на работу?!» — и потом объясняет: нет такой работы, в которой он мог бы помогать людям, нет такой, как он хотел бы. Когда его спрашивают о мечте — говорит, что не мечтает: живет со дня на день.

Ольга и Паша, страстно преданные искусству, пытаются уберечь свои желания (Ольга: «Лишь бы только любимый всегда был со мной»); отчетливо это прозвучало в сцене, когда Паша стоит на каком-то из невских мостов и пытается продать сфинксов собственного производства. Днем мимо него проходит пара молодоженов, еще тепленьких со свадьбы, вечером Петербург стихает и под покровом ночи хорошеет. Паша говорит: «Искусство заставляет нас задуматься над своей жизнью, — а потом: — Чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что мечты вредят. Вот я и не люблю мечтать: ничто не сбывается». Ольга, в фильме составляющая с Пашей дуэт художников, верящих в спасительную силу искусства и в более широкое понимание вообще культуры, продолжает верить и мечтать. Из картины несмотря ни на что веет атмосферой, полной надежд на лучшее будущее, и это совершенно противоречит всему, что мы могли себе представить на тему современной российской молодежи.

«7 раз Москва» Петра Стасика — это эстетически изысканный коллаж семи впечатлений от столицы. Картину открывает статическая картинка одной из сталинских высоток в свете солнца. Вмestился в кадр и свадебный стол, накрытый белой скатертью; кто-то делает снимки, проезжает ребенок на роликах. Есть место не только зрительному, но и сложному звуковому образу, который составляют звуки города, переплетающиеся со звуками, созданными специально для фильма.

Вторая картинка невольно ассоциируется с кадрами из американских или азиатских фильмов: пробки в уличном движении, огни автомобилей, рекламы над улицами. Странно знакомый вид, как и предыдущий и следующий — картинка эскалатора в метро. Здесь мы замечаем разнообразие человеческих лиц, кто-то читает газету, кто-то улыбается, у кого-то каменное выражение лица, а другие его передразнивают. Четвертая картинка снова обращает зрителя к памяти о любом большом городе, особенно о польской столице: вот в катящейся массе прохожих внимательный глаз камеры вылавливает красочного распространителя листовок в оранжевой шапке. Камера не останавливается на нем надолго — мы идем за ней в церковь, наблюдаем молитвы над теплыми огоньками свеч. Статическая камера регистрирует все, что

войдет в ее глаз. В том числе и печальную старость — героиню шестой картинки. В оранжевом свете, на Бог весть каком этаже блочного дома, лежит в постели старушка. Ее захватывает врасплох отключение электричества. Это маленький рассказ о мире как пространстве близкой смерти. Контрапунктом к нему становится последняя, финальная картинка: наезд камеры на молодоженов, подвергающихся утомительной, связанной с позированием фотосъемке. Видно, как они стараются исполнять нудную обязанность молодой пары: на время вспышки складывают усталые рты в круглые улыбки, берут в руки белых голубей, но глаза не обманут — только в них отражается ненужность, чуждость происходящего. Скобка закрывается.

О перспективах поляков сегодня говорит исполненный хорошего настроения документальный фильм Юлии Ишаковой «Загуж — конечная станция». Исходный пункт здесь — старые снимки городка, последней железнодорожной станции на юго-востоке Польши. За ней начинаются уже только серпантины шоссе на дорогах посреди пейзажа Бещад. Путеводной нитью картины стали образ почтальона и песня «Скальдов» «Размышления сельского почтальона», который ездит от дома к дому — а мы, идя за ним, знакомимся с местными жителями. О Загуже как самом безопасном районе Польши коротко рассказывает забавная женщина-полицейский из Верхней Силезии, а о жизни художников в глуши — они сами. В обстоятельствах важного события — матча — мы узнаём от молодой девушки, что она довольна, что живет в Загуже. На вопрос о развлечениях она называет концерт группы хип-хопа «Мезо». Такой же молодой паренек говорит, что «пиво-то доброе, а за работу платят слабо». Он музыкант и намерен предаваться своему увлечению. Для них это лишь начало, старт, а для 85 летней старушки, рассказывающей о смерти, о достоинствах жизни на окраинах страны («катаклизмы нас обходят»), — уже сумерки жизни. Ее рассказ трогает и надолго остается в памяти.

Героиня картины Николая Бортса «О правде» — Елена, русская, поселившаяся и работающая в Польше. Ее портрет показан через призму ее друзей. В этом фильме ощутимы энтузиазм, нерв, огонь, юношеское нетерпение, проявляющееся главным образом в цифровых съемках портативной камерой. Николай — автор-рассказчик. Он излагает нам историю их знакомства (состоявшегося через Интернет после того как Николай прочел статью о Елене в «Варшавском курьере»). Когда смотришь фильм, возникает ощущение, что режиссер стремится сорвать маску со своей героини, которую всё радует, у которой улыбка

не сходит с лица, а дружественные чувства проявляются тысячью способов. Зритель отдает себе отчет, что это своего рода защитная маска, и это подтверждает сцена, в которой Елена перед выступлением накладывает грим. Николай чувствует, что фильм от него ускользает, потому что обнажить истинное лицо героини так и не удается. Елена водит режиссера в разные места, знакомит его с множеством людей, приглашает на уроки русского для поляков. Но наступает родительская суббота, которую Бортс видит как фестиваль лотков, бубликов, сахарной ваты и радости, что противоречит внутреннему настроению Елены. На кладбище она прибирает чужие могилы, так как этим может совладать со своим одиночеством, тоской по родителям, особенно по матери. Слезы каплют, маска спадает.

У поляков важнейшим режиссером последнего десятилетия минувшего века был Кшиштоф Кеслёвский. С почтением, которое они питают к автору «Декалога», попробовала померяться силами Ирина Волкова. И результат вышел прекрасным. Ее картина делится на две части: репортаж с фиктивного набора актеров на роли в новом варианте «Случая» и беседа с дочерью Кеслёвского Мартой Грыняк, снятая в черно-белом (набор актеров показан в цвете). Фильм Волковой открывается вопросами, обращенными к потенциальным актерам: что такое смерть? почему люди умирают? Кандидаты также делятся своими впечатлениями от фильмов Кеслёвского, мыслями о режиссере как о человеке. Из всего этого вырисовывается картина человеческого разнообразия и тех впечатлений, которые оставил сам Кеслёвский и его творчество. А Марта Грыняк, снятая крупным планом, делится воспоминаниями об отце, дает нам глубоко личный портрет Кеслёвского, который не успел стать дедом своих двух внуков, а так любил детей, и дети его любили. Она говорит: «Мы по-настоящему узнаём родителей, когда они стары, а не тогда, когда они были молоды», — и в этой одной фразе выражена вся ее тоска по покойному отцу. Кстати, Марта рассказывает, каким он был мужем и отцом с ее точки зрения; рассказывает, что он был внимательным и ее этому учил. В этот момент, на одно мгновение, мы видим в лице дочери проглядывающего в ней отца. Грыняк рассказывает о своем жизненном пути, о «Красном» — самом любимом из отцовских фильмов (фрагменты из него вклеены в картину Волковой, в частности тогда, когда героиня рассказывает свой сон судье) — самом любимом, потому что самом оптимистическом. Камера проходит по семейным фотографиям Марты, старым и нынешним, а затем оказывается с героиней и ее дочками сначала в заснеженном парке, после — на кладбище Повонзки,

где похоронен Кшиштоф Кеслёвский. Алая свечка напоминает зрителю об оптимизме «Красного». Мы видим надгробный памятник, людей, крестящихся над могилой, — и вновь оказываемся в исходной точке, у варшавской гостиницы «Европейская», где проходил набор актеров. На фронтоне здания натянут огромный транспарант с фотографией Кеслёвского, как всегда с сигаретой в руке. Группа несостоявшихся актеров римейка «Случая» стоит под транспарантом, смотрит прямо в камеру и машет руками. Параллельность, с которой воздают честь режиссеру его почитатели, позволяет нам осознать, что память о Кеслёвском жива и перешла к следующим поколениям.

Барбара Бяловонс показала, как живут жены московских олигархов. У красавицы Виктории есть всё: дома, наполненные хрусталем, алые ногти прямо от маникюрши, шофер; она занимается йогой, консультируется с детским психологом, а в саду ее, как она утверждает, «запущенной дачи» стоят немые статисты — статуи. Режиссеру удалось вызвать мать и жену на откровенность: женщина рассказывает о себе, о любви, о сексе, то есть о своем пути к зрелости. В подтексте мы ощущаем чувствительность, которую она не дала в себе подавить. В Москве, которая предстает в фильме копией Лас-Вегаса, Виктория пытается инвестировать в себя самое. Она не хочет быть довеском к мужу, довеском, которому положено красиво выглядеть и молчать. Виктория хочет себя выражать: она верит в искусство как пространство, благодаря которому можно себя познать, жить всей полнотой жизни, — поэтому она борется за себя. Камера, до сих пор в свободном парении, останавливается, когда на кадре крупного плана раздается вопрос, счастлива ли Виктория. Она молчит, лицо слегка подрагивает, и в конце концов отвечает: «Скорее — нет».

Мацей Цуске, прирожденный кинематографист, поставил камеру в электричке, давшей название фильму, и составил реестр людей, которые каждый день ездят из Москвы в Петушки. Ему удалось неслыханное: возник фильм общечеловеческий, действие которого могло бы разыгрываться в варшавском пригородном поезде или токийском метро. Любитель подглядывать будет доволен: ему показана целая палитра человеческих типов, начиная с мужчины в тулупчике, спящих людей, пенсионеров, гармониста, солдата, элегантной дамы и до злящегося глухого и нежно целующихся парочек. Мы наблюдаем множество человеческих поступков и жестов: пьют, курят, целуются, едят мороженое, говорят по телефону, подкрашиваются, торгуют; флирт, отцовская любовь. Какофония звуков и красок, целые гаммы настроений и

человеческих типов — эти крайне любопытные черты фильма моментами приобретают комизм. Мелодии, песни, звуки иногда носят характер, подводящий итоги жизни этих людей.

Самый лучший кинофильм — по-видимому, «Семена» Войцеха Касперского. Картина рассказывает о судьбе семьи, живущей в предгорьях Алтая. Пятеро детей, самый младший болен эпилепсией, и родители: отец, пытающийся удержать семью на плаву, и душевнобольная мать, с которой практически ни о чем не договоришься. Мнимые парадоксы окружающей их действительности быстро перестают забавлять — они принимают ее смертельно серьезно. О том, почему семью изгнали из сельского общества, мы узнаём только в конце, ибо картина построена по принципу шкатулки. Прекрасные съемки Шимона Ленковского только подчеркивают трагизм положения, суровость пейзажа и, парадоксально, извлекают из рассказа лиризм.

«Sacrum» без сакрума Алены Полониной обнажил лживость и лицемерие польской религиозности. Рассказчиком служит будущий кандидат в священники: вместе с ним мы странствуем по городку Лихень, где построен самый большой в Польше костел, по отчизне пластмассовой Богородицы с отвинчивающейся головой, куда налита священная вода, — по местам китча и коммерции. Ощущается вера автора в хороший конец, но в ушах вместо тишины, подчеркнутой музыкой, остается кваканье лягушек, несущееся из громкоговорителей.

Освенцим и Аушвиц в картине Гали Красноборовой и Гоши Молодцова — два разных места. Мы смотрим на них глазами жителей города, работающих в музее. Они рассказывают об экскурсиях, туристах, тысячи которых проходят через территорию бывшего лагеря. Комментируют эмоции, которые у них самих в некотором смысле уже выдохлись...

Документальные фильмы, снятые в рамках польско-русского проекта, доказывают, что у нас, то есть у России и Польши, больше такого, что соединяет, чем того, что разделяет. Если искать эти общие точки, то ими окажутся: необходимость спасаться искусством и культурой, традициями; всеобщая потребность труда, которая сплавливает людей, а не разделяет; внимание к другому человеку. В фильмах польских режиссеров мы видим преобразующуюся Россию, где много еще надо сделать, но что-то уже переменялось. То же самое и с Польшей — мы находимся в одном и том же историческом моменте, но действуем по-разному. Можно наблюдать также общую нам жажду деятельности. Результаты второго цикла проекта «Новый взгляд» подождем до будущего года.

ЛЮДИ ПЛЮЮТСЯ ЖЕМЧУГОМ

23-летняя Дорота Масловская, только что ставшая лауреатом главной польской литературной премии «Нике», уже успела вызвать у читающей публики и восторг, и неприятие. В 19 лет она выпустила известный русским читателям роман «Польско-русская война под бело-красным флагом», написанный языком улицы и отражающий ментальность «дресов»^[1]. Ее второй роман «Павлин королевы» (2005) — литературный аналог песенок хип-хоп. Дорота училась на психологическом факультете Гданьского университета, бросила, теперь изучает культурологию в Варшавском.

— Как вам живется в варшавской Праге^[2]?

— Замечательно. Теперь уже без восторгов. Это удивительная мешанина: с одной стороны — рост, современность, замкнутые анклавы, с другой — распад: вот этот дом за окном ждет сноса 30 лет. На его фасаде — следы от пуль, со времен войны дом ни разу не ремонтировали. Жить здесь постепенно становится в тягость: когда из окна такой вид, то в один прекрасный день хочется выйти на улицу и заорать: «Немедленно приведите дом в порядок!» Впрочем, недавно я была у мамы в Вейгерове, а когда вернулась, всё здесь показалось мне таким живым. Люди ходят, торгуют овощами. А там можно полдня глазеть в окно — ни одного прохожего. Для молодежи маленький городок — это ад, в деревне и то лучше. Общество такого городка достаточно многочисленно, чтобы чего-то от тебя требовать, но не настолько, чтобы ты мог затеряться в толпе. Все друг за другом присматривают. Каждый должен одеваться как другие, иметь в доме такую же обстановку. Заглянув в окно, заранее знаешь, что там увидишь, вплоть до мелочей, потому что все квартиры одинаковые. Никому не приходит в голову хотя бы иначе расставить мебель. Мне всегда хотелось оттуда сбежать, и последняя поездка напомнила мне, почему. В Праге я живу третий год...

— Вы думали, что на правом берегу Вислы жизнь более настоящая?

— Я и сейчас так думаю. Более настоящая, но и более тяжкая. Писателю лучше, когда не всё хорошо, когда он не живет в изоляции, в отрыве от земли. Пускай мучится, беспокоится — сразу будет о чем писать. Благополучный литератор становится бесплодным. Он отправляется на банкет или выступление, ест

кусочек торта, внимая похвалам, и отвечает на поздравительные письма. Когда жизнь не бросает ему вызовов — он попросту угадает. Не хотела бы я, чтобы моя жизнь дрейфовала в эту сторону.

— Сейчас вы купаетесь в лучах славы...

— С этим заласкиванием надо быть невероятно бдительной. Похвалы еще не означают, что тебя действительно ценят и понимают.

— Но среди похвал звучали и голоса серьезных критиков, вас выдвинули на премию «Нике». Голова не закружилась?

— Мне часто приходится слышать, какой я молодец, что не зазналась и осталась такой, как была. Это не совсем правда. Думаю, я получила травму, был у меня даже эпизод невменяемости. То, что со мной случилось после выхода «Польско-русской войны», в возрасте 19 лет, было как заговор темных сил, чтобы превратить меня в психиатрический случай. Я была к этому совершенно не готова — девчонка из маленького города, еще прыщавая. Варшава была для меня чем-то невообразимым, мифическим — за конечной станцией электрички, а то и дальше. Большая, вся в огнях, за горами, за лесами. И вдруг я оказалась в какой-то тотальной психологической камере: восторги, аплодисменты, поздравления. Но если бы меня только хвалили, я могла бы предаться самовлюбленности, и было бы приятней. Нет, за этими бурными аплодисментами всегда начинают бурно освистывать и по-польски поливать грязью. Я не знала никого, кто сказал бы мне, что это норма. И долго не могла отмыться от чувства грязи и унижения, позора при всем честном народе. Но вообще-то я говорю об этом без эмоций, написала про это свою вторую книгу, и всё прошло. Я чувствую себя ветераном, пенсионером и инвалидом.

— Во второй книге вы язвительно описали артистический мирок. Вы себя относите к нему или от него отмежевываетесь?

— Я и наблюдатель, и участник. Я часть этого мира, но меня спасает склонность к двойному наблюдению: за тем, что творится вокруг меня, и за тем, что творится во мне. Я испытываю массу гнусных чувств, поддаюсь низким инстинктам, но делаю это сознательно, чтобы наблюдать, как функционирует человек.

— Шум вокруг вас привел к тому, что ваша частная жизнь была выставлена на публичное обозрение.

— Это очень нехорошо, и с этим я, пожалуй, никогда не смирюсь. Хотя в повседневной жизни я об этом не думаю, у меня и так много простых, приземленных занятий. На улице меня редко узнают — по крайней мере, хочется думать. А если уж что-нибудь подобное случится, я всегда удивляюсь: «Я??? Да почему?» Когда я иду за картошкой, я же не думаю, что я какая-то там писательница и что у меня на полке стоят какие-то статуэтки.

— *Вы не пытаетесь формировать свой образ в СМИ?*

— Предпочитаю от него «отклеиваться». Правда, наученная горьким опытом, стараюсь контролировать его. Очень разборчиво подхожу к предложениям, которые получаю от журналистов. Соглашаюсь только на те, которые выглядят творческими, из которых что-то вытекает. Но получаю и множество таких, которые служат только взбиванию пены и раскручиванию популярности. Мне это и не нужно, и удовольствия не доставляет. Я сосредотачиваюсь на работе — это мне важно, это меня заряжает. Терпеть не могу болтать языком, это растрата энергии, и не желаю распространяться о себе: это ничего не дает. Я человек не эффектный, сыпать поговорками, цитатами и забавными случаями из жизни не умею.

— *Выпустив две такие разные книги, считаете ли вы себя зрелым писателем?*

— Я об этом не задумывалась. Как показывает опыт, каждый раз, когда я в чем-то уверена, все потом сложится так, чтобы доказать мне, что я ошибаюсь. Что, собственно говоря, это значит: зрелый писатель? Книги для меня — отчасти как снимки, писать — как фотографировать мозг. Это интересно своей мимолетностью и несовершенством, а не тем, что ты-де являешь некое откровение. Мое дело — скорее задавать вопросы и тревожить, а не умничать. А готовые истины, они в пословицах.

— *Вам наверняка не раз задавали вопрос: что может сказать такая юная особа о мире и о жизни? Возможно, ее заслуга только в формальных экспериментах?*

— Такие вопросы повергают меня в отчаяние. Как и упрек, что мне нечего сказать, что написано, конечно, интересно, но и только. Одна журналистка сказала недавно о моих книгах, что если бы я их написала обычным языком, то от них ничего бы не осталось. Это полная нелепость. Форма неотделима от содержания, это один организм. А кроме того никогда не

знаешь, от кого услышишь самые важные в твоей жизни слова. От ребенка, старика или прочитаешь у Хайдеггера.

— *Что такое для вас язык?*

— Это моя жертва. Лишь недавно я осознала, с какой опасной материей работаю. Это же взрывчатка! Главное вещество, из которого сотворен мир. Я начала об этом размышлять после занятий по логике у профессора Тересы Холувки. Мы обсуждали проблему аборт и говорили, насколько этот дискурс стал объектом манипуляций: можно говорить об удалении зародыша, а можно — об убийстве человека. Тогда я впервые подумала о том, как речь конструирует действительность.

— *До этого вы полагались на интуицию?*

— Да. Когда я писала «Польско-русской войну», я ни о чем таком не имела понятия. Я инстинктивно строила мир через язык. Там нигде не написано: «Сильный носил дрессы» — эти дрессы содержатся в языке.

— *Вы задумывались над причиной своего успеха?*

— Просто я способная.

— *Способных людей много, и никто о них никогда не слышал.*

— Но я очень способная.

— *А может, вам помогла молодость?*

— Молодость скорее загнала меня в категорию диковинок природы. Часть моей ложной, раздутой популярности порождена атмосферой сенсации: люди ходили за мной толпами, потому что Роберт Лещинский упомянул обо мне в какой-то там передаче. Это не было верхом моих мечтаний, скорее унижало. Сенсацией оказалась и грубость «Польско-русской войны», и то, что эту книгу написала женщина. Но то, что книга была грубой, не значит, что в грубости ее сила.

— *А в чем?*

— То, что я пишу, — это как кровоизлияние, наводнение, катастрофа в мыслях. Бьет изнутри, не обуздать. Не умею сказать, как это происходит. Когда я пишу, то не считаю, не рассчитываю: «А вот теперь затрону тему безработицы». Я знаю, многие читают мои книги с ощущением, что каждый мог бы такое написать: это же, мол, не литературный язык, а она так пишет, потому что иначе не умеет. Но с моей стороны это

же умственное актерство. Тот, кто в жизни говорит: «Не ложьте сюда», — написал бы: «Дерево росло в саду, а осенние листья шелестели».

— В «Павлине королевы» вы бросили вызов дутым, ложным кумирам. Вы что же, как и правящая партия, объявляете войну «лжеэлитам»?

— Тут другое. Их попытка сорвать маски со лжи прямо подчинена их взглядам. Лжец — это каждый, кто думает не так, как они, его нужно вывести на чистую воду и сурово наказать. А я разоблачаю иначе, разоблачаю и себя, свои механизмы мышления, всё дурацкое. И обхожусь без программных заявлений. В этом кардинальное отличие. Я не сажусь писать книгу с предпосылкой и взглядами — из этого может выйти только полное фуфло. Я сажусь с предпосылкой, что действительности надо дать через себя протечь, прокатиться.

— Теперь многие молодые авторы стилизуются под Масловскую. Это литература интензивная, стилистически заразная, с энергичной фразировкой. В ее тональность впадают с опасной легкостью. Считаете ли вы это своим писательским успехом?

— Я рада, что моя литература заразна. Я сама люблю читать книги, которые ввинчиваются в мозг, которые откладываешь с желанием написать такую же точно. Это же волшебство, если вирус книги переселяется в ум читателя. Но, может, мне подражают или подделываются под меня еще и потому, что мои книги стали модными, знаменитыми, что кто-то сказал: «Это хорошо»? Я читала несколько рецензий, авторы которых подделывали мой стиль, чтобы доказать, как это просто и пусто. Тут-то я торжествовала.

— Подражатели Масловской ищут, как и вы, темы, валяющиеся на улице. Но существует и другой подход к литературе. Например, Дубравка Угрешич считает, что источник литературы не в жизни, а в самой литературе. Это совершенно иной мир.

— Вряд ли можно указывать художнику, откуда ему черпать вдохновение. Когда я пишу, меня больше всего вдохновляют разговоры людей, а не то, что я читаю в книгах. Люди просто плюются жемчугом в заурядных разговорах. Они говорят такие невероятные вещи, простые и вытекающие из повседневного понимания мира. Это мне кажется гораздо более творческим и новаторским, чем цитаты, эпиграфы и пословицы на все времена года. Предположение, что в 20 лет человеку нечего сказать о мире, не кажется мне умным.

— *Вы нуждаетесь в каких-то литературных авторитетах?*

— Я жертва литературы. Иногда я задумываюсь, как повлияло на мою личную жизнь чтение запоем. Это порождает психологию мадам Бовари, отрывает человека от реальности, и ты начинаешь считать, что все относительно, стилизуешь себя под положительного героя. Но период, когда я глотала книги и упивалась литературой, остался позади. Я объелась литературой и вступила в такую фазу, когда почти ничего не читаю. Мало какая книга способна меня взволновать — сюжетом или формой. В данный момент более творческой мне кажется сама жизнь, реальный опыт. И мне любопытно, как перерыв в чтении влияет на образ мыслей, на способ формулирования мыслей.

— *Вы говорили, что находитесь в тупике. Творческом или читательском?*

— Прежде всего читательском, но отчасти и творческом. Я всё еще переживаю послеродовой период: весной я произвела на свет пьесу «Двое румын, говорящих по-польски». Выжидаю, присматриваюсь, собираю материал. Нельзя писать слишком много. Но я все время так говорю, все время работаю и жалею, что ничего не делаю.

— *Когда вы заканчиваете книгу, у вас появляется ощущение пустоты?*

— Конечно! Я чувствую себя ужасно, гнусно, впадаю в депрессию, становлюсь невыносимой.

— *Может, противоядием было бы начать новую?*

— Увы, это невозможно. Новая оказалась бы точно такой, как только что законченная.

— *Помогают ли вам работать друзья?*

— Конечно, я от них в полной зависимости! Мне всегда нужно иметь свидетеля, по ходу дела давать прочитать написанное. Когда долго пишешь, теряешь контакт с текстом. Мне приходится у других узнавать, в чем смысл данного куска, о чем там говорится. Сама я этого не чувствую, потому что знаю текст чуть ли не наизусть. Еще я люблю слушать, что говорят друзья, какими словами описывают мир.

— *Есть ли оратор, которого вы любите слушать? Какая-то известная личность, чей стиль высказываний вас вдохновляет?*

— Я официальными речами не интересуюсь, предпочитаю неофициальные. А кроме того, я вообще не смотрю телевизор. Отвыкла. Уже через пятнадцать минут начинаю смертельно скучать. Неужели тратить подаренные мне жизнью обрывки свободного времени на глаzenie в ящик?

— *А воспитание дочери изменило ваше отношение к языку?*

— Малина еще маленькая, сейчас она на этапе называния: это котик, это голая баба. А я с ней говорю инфантильно, в третьем лице: «Маме надо на минуточку выйти», — и страшно неловко себя чувствую.

— *В Праге существует свой сленг, не тот, что на другом берегу Вислы. Вы говорите с туземцами?*

— Редко. Да и ни к чему мне их язык.

— *Так зачем вы тут живете?*

— Мне хотелось гулять в домашних шлепанцах по улице. И чтобы никто не обращал на меня внимания. Чтобы соседи не знали, кто я. Они видят только, что мы какие-то чудные: не уходим к восьми утра на работу, а я езжу на велосипеде, причем не на горном, — вот уж действительно ни в какие ворота. Бывает, я раздражаюсь: что за проклятое место, где в девять утра каждый второй прохожий уже пьян. Иногда ночью на улице разгорается скандал, тогда мы открываем окно и тоже орем. Но что делать — надо жить.

Беседовали Моника Малковская и Паулина Вильк

Дресы (польск.) — спортивный костюм. Вместе с бурно развившейся в Польше модой на «дресы» слово стало нередко обозначать и принципиальных носителей спортивных костюмов. Судя по русскому Интернету, в этом значении слово уже заимствовано сегодняшним русским языком или, если угодно, молодежным жаргоном (так, например, одним духом говорится «скины и дресы» как описание разных группировок молодежи). — Ред.

Район Варшавы на правом берегу Вислы. — Пер.

- 1.
- 2.

